

Ф.

Кривин

**Божественные
Истории**

Ф. К Р И В И Н

**Боже-
ствен-
ные
исто-
рии**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М О С К В А • 1 9 6 6

Р 2

К 82

Художник

И. КОШКАРЕВ

1—5—8
223—66.

**ДРЕВ-
НЕЙ-
ШЕЕ...**

**ВСЕ НАЧАЛОСЬ
С ТОГО ДНЯ,
КОГДА ОБЕЗЬЯНА**

**ВПЕРВЫЕ
ПОЧУВСТВОВАЛА
СЕБЯ
ЧЕЛОВЕКОМ...**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

— Господа олимпийцы, сохраняйте спокойствие: про нас уже начинают сочинять сказки. Нет, это не те сказки, в которых возносили нас до небес, это, в сущности, атеистическая литература...

Так говорит:

ЗЕВС

— древнегреческий бог, самый главный бог на Олимпе.

— Сказки? Ах, как интересно! Господа, мне хочется сказок! Ну расскажите же мне что-нибудь, господа!

Это —

АФРОДИТА.

Все считают ее богиней красоты — роль, на которую претендует каждая женщина.

ГЕРА

— супруга Зевса —

и

АФИНА

— богиня мудрости —

буквально потеряли голову, соревнуясь

с Афродитой в красоте. И они затеяли спор, который предстояло решить простому парню Парису.

ПАРИС

— недалекий человек, но весьма далекий от мысли, чтобы действовать бескорыстно,— сначала получил яблоко. А потом... Потом началась война. Обычно войны начинаются из-за пустяков, и греко-тройанская война не была исключением. Впрочем, и она выдвинула своих героев:

**ГРЕК
АХИЛЛЕС**

прославился безрассудным героизмом,

**ТРОЯНЕЦ
ЛАОКООН**

прославился героической рассудительностью.

Впоследствии, когда войны постепенно вошли в привычку, подобными качествами стало трудно кого-нибудь удивить, о чем свидетельствуют:

**АЛЕКСАНДР
МАКЕДОНСКИЙ
И ПИРР**

} известные полководцы.
— Так где же сказки? Когда уж будут сказки?

Афродита — вся нетерпение, и сейчас она особенно прекрасна. Именно такой ее изваяли

**ПИГМАЛИОН
И
ДЕДАЛ**

} великие скульпторы.

На Олимпе появляются гости:

**ОСИРИС
ВААЛ
ТАММУЗ
МАРДУК**

} боги египетские и вавилонские.

— Тысяча крокодилов! — кричат они
каждый на своем языке. — Не хватало,
чтоб про нас сочиняли сказки!

— Вот именно, — соглашаются все.

— Надо что-то придумать, — решают
все.

Потом все садятся и усиленно думают.
— Вавилонский плач уже был, — взды-
хает Мардук.

— Были и казни египетские, — взды-
хает Осирис.

Что и говорить, у богов опыт поря-
дочный:

был

СИЗИФ,

осужденный на сизифов труд,

был

ТАНТАЛ,

осужденный на танталовы муки,

был

**РАЗБОЙНИК
ПРОКРУСТ**

со своим прокрустовым ложем,

была

**МЕДУЗА
ГОРГОНА**

— ужасная женщина, при взгляде на
которую все превращалось в камень.
Было... Много было, но теперь это
все в прошлом...

— Может, кого-нибудь приковать к
скале? Как Прометея?

Это опять Афродита. Она всегда что-нибудь придумает.
Осирис вспоминает, что у него дома есть

ХЕОПС — фараон, каких мало.
— Нет,— возражает Зевс,— фараонами тут не обойдешься.
Тут нужны:

МИНОТАВР
ЕХИДНА
ЦЕРБЕР
НЕМЕЙСКИЙ
ЛЕВ
ЛЕРНЕЙСКАЯ
ГИДРА } настоящие чудовища.

ГЕРАКЛ
ТЕСЕЙ
ПЕРСЕЙ } Но чудовищ тоже нет. Их победили
} всем известные герои.

Да, сейчас не прежние времена. Видно, самим богам ничего не придумать.

ПАН — козлоногий и козлорогий пастуший бог — советует позвать людей.
Люди, говорит Пан, специалисты по части сказок.
— Правильно,— соглашается Зевс.—
Надо посоветоваться с народом.
На Олимп приводят людей. Среди них

ПИТЕКАНТРОПЫ — первобытные старики,
ХАЛДЕИ — старики помоложе,

АВГИЙ
ДИОНИСИЙ
МИДАС } цари средних лет,

а также совсем зеленая молодежь!

**НАРЦИСС,
ИО,**

влюбленный в себя,
влюбленная в Зевса,

и

ДАМОКЛ,

влюбленный в чужое имущество.

— Что вы думаете о сказках? — вопрошает их владыка Олимпа.

— Мы халдеи, у нас свои дела!

— Мы питекантропы, мы еще ничего не думаем!

— Зевс, я Ио, твоя любимая! Я думала, ты меня забыл, но теперь я думаю иначе!

Зевс выходит из себя и превращает Ио в корову. Он требует, чтоб к нему были приведены:

**СОКРАТ
ПЛАТОН
ЮЛИЙ
ЦЕЗАРЬ**

} умные люди.

— Цезарь родится позже, так что он пока не живет,— докладывают владыке Олимпа.— А Сократ уже не живет... за то, что он не верил в богов и сочинял про них разные сказки...

— Так это он сочинял? — облегченно вздыхает Зевс.— Ну, тогда все в порядке. Господа олимпийцы, сохраняйте спокойствие!

Олимпийцы сохраняют спокойствие. Одна Афродита никак не придет в себя:

— Послушайте, Зевс, а что такое атеистическая литература?

ПИТЕКАНТРОПЫ

— Питекантропы! В наших жилах течет древняя кровь, это ложь, что мы происходим от обезьяны!

Услыхав, что они происходят не от обезьяны, питекантропы почувствовали себя сиротами. Они стали на четвереньки и ткнулись носами в траву.

— Выше головы, питекантропы!

Питекантропы доверчиво подняли головы.

— Кто происходит от обезьяны, тот не питекантроп!

Ах вот оно что! Тогда действительно... Если б питекантропам сказали об этом раньше...

— Пусть встанут те, кто происходит от обезьяны!

Питекантропы смотрели друг на друга. Интересно все-таки — кто? Неужели есть и такие?

Никто не вставал. Все стояли на четвереньках. Каждый твердо верил в свое происхождение.

УЛЫБКА ИДОЛА

Идол вопросительно улыбнулся.

— Я потерял надежду,— сказал человек.— Сам не знаю, как я ее потерял. Вчера еще была, а сегодня встал — нет никакой надежды.

Идол осуждающе улыбнулся.

— Я знаю, что это нехорошо. Человек не должен терять надежду. Я старался, как мог, но так получилось... Понимаешь?

Идол понимающе улыбнулся.

— Я знал, что ты меня поймешь. Когда теряешь надежду, так важно, чтобы тебя кто-нибудь понял. Понял и ободрил. Но кто может меня ободрить?

Идол ободряюще улыбнулся.

— Ты ободряешь меня? Ты даешь мне новую надежду? О, спасибо, спасибо тебе! Теперь мне легче жить на свете!

Идол улыбался. Понимающе, многообещающе.

ХАЛДЕИ

Жили два бедных халдея, один другого беднее: два крокодила у одного, а у другого — вдвое того.

Взмолился богу один халдей — тот, который другого бедней:

— Ваал, яви свою милость! Установи справедливость!

Послушал Ваал, головой закивал:

— Ну что ж, если так прикрутило, возьми у него крокодила. Но за того, что возьмешь у него, в пользу бога снесешь своего.

Взмолился богу другой халдей:

— Смотри, что делает этот злодей! Ведь он, нечистая сила, украл у меня крокодила!

Послушал Ваал, головой закивал:

— Все правильно, все понятно. Возьми крокодила обратно. Но за того, что возьмешь у него, в пользу бога снесешь своего.

Живут два бедных халдея, один другого беднее. У одного один крокодил, а у другого — трижды один.

Взмолился богу один халдей — тот, который другого бедней:

— Таммуз, яви свою милость! Установи справедливость!

Послушал Таммуз, помотал на ус:

— Ну что ж, если так прикрутило, возьми у него крокодила. Но за того, что возьмешь у него, в пользу бога снесешь своего.

Взмолился богу другой халдей:

— Смотри, что делает этот злодей! Ведь он, нечистая сила, украл у меня крокодила!

Послушал Таммуз, помотал на ус:

— Все правильно, все понятно. Возьми крокодила обратно. Но за того, что возьмешь у него, в пользу бога снесешь своего.

Живут два бедных халдея, один другого беднее. Два халдея, один крокодил. Просят бога, чтоб он рассудил:

— Мардук, яви свою милость! Установи справедливость!

Послушал Мардук, подставил сундук:

— Чтоб лучше обоим было, кладите сюда крокодила!

Живут на свете халдеи, никто никого не беднее...

ПИРАМИДА ХЕОПСА

— О Осирис, я не хочу умирать!

— А кто хочет? — пожал плечами Осирис.

— Но я... я же все-таки фараон!.. Послушай,— зашептал Хеопс,— я принесу тебе в жертву сто тысяч рабов. Только разреши мне мою, одну мою жизнь увековечить!

— Сто тысяч? И ты уверен, что все они погибнут на строительстве?

— Можешь не сомневаться. Такую пирамиду, как задумал я...

— Ну, если так... Увековечивай, не возражаю.

Никто не помнит Хеопса живым. Все его помнят только мертвым. Он был мертвым и сто, и тысячу, и три тысячи лет назад и всегда, всегда будет мертвым.

Пирамида Хеопса увековечила его смерть.

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ

К длинному списку исторических событий и лиц подошел маленький человек.

— Я Авгий. Поищите на «А».

— А кто вы такой, чтобы вас искать? — строго спросил секретарь Истории.

— Известно кто — царь! Сын бога Солнца.

— Царей много, да не все попадают в Историю. Вы конкретно скажите, каковы ваши дела.

В разговор вмешался помощник секретаря:

— Поищите на «Г». Это тот Авгий, у которого работал Геракл. Помните — Авгиевы конюшни?

Секретарь покачал головой:

— Опять этот Геракл! Столько мелюзги потащить за собой в Историю!..

ЛАОКООН

Высший совет богов постановил разрушить Троию.

— Подкиньте им троянского коня,— сказал Зевс.— Да не забудьте посадить в него побольше греков.

Воля Зевса была исполнена.

— Ну как Троя? Разрушена?

— Пока нет, громовержец. Там у них нашелся какой-то Лаокоон...

— Что еще за Лаокоон?

— Личность пока не установлена. Но этот Лаокоон не советует ввозить в город троянского коня, он говорит, что надо бояться данайцев, даже если они приносят дары.

— Уберите Лаокоона. Личность установим потом.

Воля Зевса была исполнена. Два огромных змея задушили Лаокоона, а заодно и его сыновей.

Смелый троянец умирал как герой. Он не просил богов о помиловании, он только просил своих земляков:

— Бойтесь данайцев, дары приносящих!

— Сильная личность! — похвалил его Зевс, наблюдая с Олимпа за этой сценой. — Такому не жалко поставить памятник.

Воля Зевса была исполнена. И, учитывая последнюю просьбу Лаокоона — не ввозить в город троянского коня, — ему воздвигли красивый памятник: Лаокоон въезжает в город на троянском коне.

ПИГМАЛИОН

Персей много говорил о своих подвигах, но был среди них один, о котором он не любил рассказывать.

Отрубив голову Медузе Горгоне, Персей по дороге домой заехал на остров Кипр к знаменитому скульптору Пигмалиону. Пигмалион в то время был влюблен в только что законченную статую, как обычно бывают влюблены художники в свое последнее произведение.

— Это моя самая красивая,— сказал Пигмалион, и статуя вдруг ожила.

От таких слов ожить — дело вполне естественное, но скульптор увидел в этом какое-то чудо.

— О боги! — взывал он. — Как мне вас отблагодарить?

Боги скромно молчали, сознавая свою непричастность.

Пигмалион долго не находил себе места от радости. Потом наконец нашел:

— Я пойду в мастерскую, немножко поработаю,— сказал он ожившей статуе.— А ты тут пока займи гостя.

Женщина занимала гостя, потом он занимал ее, и за всеми этими занятиями они забыли о Пигмалионе.

Между тем скульптор, проходя в мастерскую, наткнулся на голову Медузы Горгоны, которую оставил в прихожей неосторожный Персей. Он взглянул на нее и окаменел, потому что таково было свойство этой головы, о котором знали все, кого она превратила в камень.

Прошло много долгих часов, и вот в прихожую вышли Персей и его собеседница.

— Какая безвкусица! — сказала ожившая статуя, глядя на скульптора, превращенного в камень.— Знаете, этот Пигмалион никогда не мог создать ничего путного!

Так сказала женщина, и Пигмалион навеки остался камнем...

ОЛИМПИЙСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ

Ах, каких детей породила Ехидна! Старший — настоящий лев. Младший — настоящий орел. Средние — Цербер и Гидра — умницы, каких мало: на двоих двенадцать голов.

Выросли дети, и каждый нашел для себя занятие. Цербер трудился под землей — сторожил подземное царство Аида. Орел действовал с воздуха — клевал печень Прометея, прикованного к скале. А лев и Гидра работали на земле — опустошали окрестности Немей и Лерны.

Все дети пристроены, все при деле, Ехидне бы жить да радоваться. Но тут подвернулся Геракл со своими подвигами. Он задушил Немейского льва, отрубил головы Лернейской гидре, застрелил из лука орла, а Цербера связал и бросил в темницу. Хорош герой — убивать чужих детей! Да его б за такие подвиги...

— Господа олимпийцы, перед вами несчастная мать! Она породила детей, которые стали ее един-

ственной радостью и надеждой. И вот приходит какой-то Геракл, давно известный своими подвигами, и убивает этих детей. Он убивает их на наших глазах, а мы храним олимпийское спокойствие. Господа олимпийцы, до каких пор наши гераклы будут уничтожать наших гидр, которые опустошают наши города? До каких пор наши гераклы будут уничтожать наших орлов, которые клюют наших прометеев?.. Отвечайте, господа олимпийцы!

СИЗИФ

Он катил на гору свой камень.

Он поднимал его до самой вершины, но камень опять скатывался вниз, и все начиналось снова.

Тогда он пошел на хитрость.

Он взял щепочку, подложил ее под камень, и камень остался лежать на вершине.

Впервые за много веков он свободно вздохнул. Он вытер пот со лба и сел в стороне, глядя на дело своих рук.

Камень лежал на вершине горы, а он сидел и думал, что труд его был не напрасен, и был очень доволен собой.

Один за другим проходили века, и все так же стояла гора и лежал камень, и он сидел, погруженный в мысли о том, что труд его был не напрасен. Ничто не менялось вокруг. Сегодня было то, что вчера. Завтра будет то, что сегодня.

У него отекали ноги и онемела спина. Ему стало казаться, что если он еще немного так посидит, то и сам превратится в камень.

Он встал и полез на гору. Он вытащил щепочку, и камень с шумом покатился вниз, а он бежал за ним, прыгая с уступа на уступ и чувствуя прилив новых сил.

У подножия горы он догнал камень и остановил его. Потом поплевал на руки и покатил камень вверх, к вершине горы...

ЯБЛОКО РАЗДОРА

Богини спорят о красоте.

— Ну-ка, Парис, кому ты отдашь яблоко?

Медлит. Парис: Гера предлагает ему власть, Афина — славу, Афродита — самую красивую женщину.

Медлит Парис: он любит и власть, и славу, и женщин... Но больше всего Парис любит яблоки.

СУД ПАРИСА

Войдите в положение Париса: он выбирает все же из богинь. У них и стан стройнее кипариса, и воспитанье не в пример другим... Ну, словом, все богини в лучшем виде. Парис не хочет никого обидеть, он очень мягкий человек, Парис. И, пользуясь своей судейской властью, он разрезает яблоко на части и всем троим вручает первый приз.

— Ну, вы видали этого кретина? — вскричала возмущенная Афина. — Он у меня отрезал два куска!

— Нет, у меня! — не менее сердито воскликнула богиня Афродита, на остальных взирая свысока.

А Гера, настоящая мегера, металась, как пантера по вольеру, грозя сослать Париса на галеры, суля ему холеру и чуму.

А он не знал, за что такая участь. И он стоял, казня себя и мучась и вопрошая небо:

— Почему?!

МИРМИДОНЯНЕ

Мор уничтожил народ Эгины, и когда Зевс спохватился, на острове остались одни муравьи. Они были маленькие, совсем незаметные и потому уцелели во время бедствия.

Но для такого бога, как Зевс, муравьи тоже кое-что значат. Он подал знак, и муравьи превратились в людей — в настоящих людей, высоких, стройных и сильных. И назвал Зевс людей мирмидонянами, потому что они произошли от муравьев.

Это были честные люди, исполнительные и трудолюбивые. Но по старой муравьиной привычке они ходили согнувшись, низко опустив голову, так, как будто над ними висел сапог.

Зевсу было стыдно за них, и он гремел:

— Люди, будьте людьми! Люди, будьте людьми!

Но от этого окрика они пригибались к земле еще ниже.

А Зевс все гремел и гремел в небесах. Старый, наивный бог, он не понимал простой истины: можно превратить муравьев в людей, но сделать людей людьми — это богам не под силу.

ДАМОКЛОВ МЕЧ

Дамокл поднял голову и увидел над собой меч.

— Хорошая штука,— сказал он.— Другого такого не найдешь в Сиракузах.

— Обрати внимание, что он висит на конском волосе,— растолковывал ему тиран Дионисий.— Это имеет аллегорический смысл. Ты всегда завидовал моему счастью, и этот меч должен тебе объяснить, что всякое счастье висит на волоске.

Дамокл сидел на пиру, а над его головой висел меч. Прекрасный меч, какого не найдешь в Сиракузах.

— Да, счастье...— вздохнул Дамокл и с завистью посмотрел на меч.

СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА

Зевс полюбил прекрасную Ио.

— Этого еще не хватало! — возмущалась его жена. — Объясните мне хоть, кто она такая!

— «Ио» значит «исполняющая обязанности», — объяснил Гере всезнающий Гименей.

— Ну, знаете! Мне ничья помощь не нужна, я могу сама исполнять свои обязанности!

Услыхав, что ее помощь не нужна, Ио ударилась в слезы. Зевс стал ее утешать:

— Ладно, будет реветь, как корова!

Что значит в устах бога даже простое сравнение! Ио тут же превратилась в корову. И Зевсу ничего не оставалось, как помириться с женой.

— Забудем прошлое, — сказал он. — Хочешь, я подарю тебе корову?

ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ

Тесей уже занес свой меч, чтобы поразить великана Прокруста, но вдруг опустил его:

— Нет, не могу я так, без суда. Судите его, люди!

И вот начался суд.

Говорили о том, сколько людей загубил Прокруст, калеча их на своем прокрустовом ложе. Вспоминали маленьких, которых он вытягивал, и больших, которым обрубал ноги.

— Ты, разбойник, что ты можешь сказать?

Великан встал. Лицо его было печально, печальны были его глаза.

— Я виновен... Виновен в том, что слишком любил людей...

Его засыпали градом насмешек.

— Да, я любил людей,— убежденно сказал Прокруст.— Я любил их, хотя понимал, как они далеки от идеала. Человек — мера всех вещей, но какой мерой мерить самого человека? Где эта мера,

где?.. Вот она! — И Прокруст показал на свое ложе.

— Я все измерил, все подсчитал. Идеальный человек должен быть таким — только таким, ни больше, ни меньше. Так судите же меня, люди, за то, что я сделал для вас, за то, что я пытался приблизить вас к идеалу!

Прокруст помолчал, внимая гулу толпы, которая не слушала ничего, кроме своего возмущения. И он продолжал, все больше загораясь:

— Судите меня, люди, за мои трудные дни, за мои бессонные ночи. За то, что в то время, когда вы тешились жизнью, я мучительно искал ту единственную меру, которой достоин человек. Судите меня за мою к вам любовь, за то, что я постоянно думал о вас и хотел, чтобы вы стали лучше. Все, что я делал, знал и умел,— все это было для вас... И ложе это — оно тоже для вас!

— Для нас? — зашумела толпа.— Нет, с нас довольно! Эй, Тесеи, положи-ка его самого!

И тут случилось невероятное: великан, еще недавно наводивший страх на всю округу, вдруг стал уменьшаться. И когда его подвели к ложу, он уже был самый простой человек, ниже среднего роста.

Так стоял он, небольшой человек Прокруст, перед своим прокрустовым ложем, которое было явно ему велико, так стоял он и бормотал:

— Люди, не судите меня... Просто я ошибся в расчетах...

МИДАСОВ СУД

— Ерунда-с! — отметил Мидас, игру Аполлона прослушав.

За это ему, согласно уму, достались ослиные уши.

Отличные уши, роскошные уши, сокровище для меломана! Теперь-то Мидас уж спуску не даст ни Аполлону, ни Пану.

Старается Пан, заливаётся Пан, леса и долины радуя. Но...

— Ерунда-с! — роняет Мидас, лениво ушами прядая.

Гремит Аполлон, забирая в полон все сущие в мире души. Но...

— Ерунда-с! — роняет Мидас, развесив ослиные уши.

ПЛАТОН

Платон был общительный человек, и у него было много друзей. Но все они говорили ему:

— Платон, ты друг, но истина дороже.

Никто из них в глаза не видел истины, и это особенно обижало Платона. «Почему они ею так дорожат?» — с горечью думал он.

В полном отчаянии Платон стал искать истину. Он искал ее долго, всю жизнь, а когда нашел, сразу потащил к друзьям.

Друзья сидели за большим столом, пили и пели древнегреческие песни. И сюда, прямо на стол, уставленный всякими яствами, Платон вывалил им свою истину.

Зазвенела посуда, посыпались черепки.

— Вот вам истина,— сказал Платон.— Вы много о ней говорили, и вот — я ее принес. Теперь скажите — что вам дороже: истина или друг?

Друзья притихли и перестали петь древнегреческие песни. Они сидели и смотрели на истину, которая неуклюже и совсем некстати громоздилась у них на столе. Потом они сказали:

— Уходи, Платон, ты нам больше не друг!

РАЗДОР БЕЗ ЯБЛОКА

И опять богини спорят о красоте.

На сей раз — никаких яблок, никаких парисов!
Пусть решит жюри, компетентное в данном вопросе!

И опять богини разочарованы:

— Непонятно, что они в ней нашли!

— Посмотрите на нее!

— Нет, вы только на нее посмотрите!

На последнем конкурсе красоты победила Медуза Горгона, которой жюри, не глядя, присудило первое место.

БОЖЕСКИЙ РАЗГОВОР

Титаны восстали против богов-олимпийцев.

— Что это вы, ребята? — журил их Зевс. — Ай-ай, нехорошо! Давайте говорить по-божески. Только не все сразу, подходите поодиночке!

Подошел первый титан-одиночка. Смотрит Зевс — здоровенный титан! Где с таким говорить по-божески!

Пришлось поставить его на колени.

Стоит на коленях титан — и все равно выше Зевса на целую голову.

Пришлось отрубить ему голову.

— Ну вот, — сказал Зевс, — с этим как будто договорились. Давайте дальше — поодиночке!

ПАН

Стоило козлоному Пану жениться, как тотчас все заметили его рога, на которые прежде не обращали внимания. Приятели советовали ему их спилить, чтобы они не так бросались в глаза окружающим, а досужие нимфы, завидуя его жене, называли их рогами изобилия.

Но сам Пан был спокоен. Пан твердо верил в то, что он не рогат. Это так естественно для женатого человека.

ЗЕВС И ДЕДАЛ

I.

— Как дела, Дедал?

— Так себе, громовержец.

— Почему, Дедал? Ты же преуспеваешь. На последней выставке тебе опять присуждена первая премия.

— Вся беда, что это не последняя выставка.

— Но ведь у тебя вроде бы нет соперников?

— У меня есть племянник. Я его учил, я ему отдал все знания... И вот в благодарность...

— Пустяки,— сказал Зевс.— У меня тоже был такой— не помню, племянник или сын... Звали его Тантал. А теперь — поминай, как звали!

— Спасибо, громовержец! Теперь я знаю, как поступить с племянником. Ты свидетель, что я хлопоту не о себе,— я делаю это во имя искусства.

— В добрый час, Дедал! Такие дела делают без свидетелей.

II.

— Как дела, Дедал?

— Так себе, громовержец.

— Почему, Дедал? Ты ведь разделался со своим племянником?

— Я-то разделался, но они хотят разделаться со мной. Меня будут судить за убийство.

— Чего ж ты ждешь, Дедал? Ты должен срочно покинуть Афины.

— Я думал об этом. Но знаешь — покидать родину...

— Родину? — рассмеялся Зевс. — Дедал, откуда эти красивые слова? Я, например, родился на Крите, но, как видишь, бросил его и взошел на Олимп. Где хорошо, Дедал, там и родина.

— Спасибо, громовержец, ты меня убедил. Пойми, я хлопочу не о себе, я делаю это во имя искусства.

III.

— Как дела, Дедал?

— Так себе, громовержец.

— Почему, Дедал? Разве тебя плохо приняли на острове? Я слышал, что царь Минос отнесся к тебе, как друг.

— Это правда, я ему очень обязан. Но ведь я не люблю быть обязанным. Это мешает моему искусству.

— В таком случае, Дедал, почему бы тебе не покинуть Миноса? Для такого мастера, как ты, сделать пару крыльев — пара пустяков.

— Две пары, громовержец: у меня ведь еще сын.

— Ну так две пары пустяков.

— А что скажет Минос? Он мне друг, выходит, что я предаю друга.

— Глупости, Дедал. У меня много друзей, а сколько я их предаю!.. Приходится—в интересах дела.

— Ты знаешь — я хлопочу не о себе...

— Лети, лети! Только осторожно с крыльями — у тебя ведь никогда не было крыльев!

ДЕДАЛ И ИКАР

— Кто такой Икар?

— Это сын Дедала. Того, что изобрел крылья.

Мудрый человек был Дедал. Он знал, что нельзя опускаться слишком низко и нельзя подниматься слишком высоко. Он советовал держаться середины.

Но сын не послушался его. Он полетел к солнцу и растопил свои крылья. Он плохо кончил, бедный Икар!

А Дедал все летит. Он летит по всем правилам, не низко и не высоко, умело держась разумной середины. Куда он летит? Зачем? Это никому не приходит в голову. Многие даже не знают, что он летит — мудрый Дедал, сумевший на много веков сохранить свои крылья...

Дедал... Дедал...

— А, собственно, кто такой Дедал?

— Это отец Икара. Того, что полетел к солнцу.

СОКРАТ

— В споре рождается истина...

— Что ты, Сократ, не надо! Спорить с богами бессмысленно, выпей-ка лучше яду!

— Пей, говорят по-гречески!

— Просят, как человека!

Так осудило жречество самого мудрого грека.

Праведность — дело верное. Правда карается строго. Но не боялись смертные выступить против бога. Против его бессмысленных, бесчеловечных догматов.

В спорах рождались истины. И умирали сократы.

НАРЦИСС

Женщины ходили за Нарциссом по пятам и делали ему самые заманчивые предложения. Но Нарцисс отвечал каждой из них:

— Я не могу любить сразу двоих — и себя, и тебя. Кто-то из нас должен уйти.

— Хорошо, я уйду, — самоотверженно соглашались одни.

— Нет уж, лучше уходи ты, — пылко настаивали другие.

Но результат был один и тот же.

Только одна женщина сказала не так, как все.

— Да, действительно, — сказала она, — любить двоих — это дело хлопотное. Но вдвоем нам будет легче: ты будешь любить меня, а я — тебя.

— Постой, постой, — сказал Нарцисс, — ты — меня, а я?

— А ты — меня.

— Ты меня — это я уже слышал. А я кого?

— Ты меня, — терпеливо объяснила женщина.

Нарцисс стал соображать. Он шевелил губами, что-то высчитывал на пальцах, и на лбу его выступил пот.

— Значит, ты меня? — наконец сказал он.

— Да, да! — радостно подтвердила женщина.

— А я?

Женщина ничего не ответила. Она посмотрела на Нарцисса и подумала, что, пожалуй, ей трудно будет его полюбить.

— Знаешь что? — предложил Нарцисс.— Зачем так усложнять жизнь? Ты меня, я тебя... Пусть каждый любит сам себя — это гораздо проще.

ЛАБИРИНТ

— Что такое счастье? Счастье — это выход из безвыходного положения. В безвыходное положение ставит нас жизнь, а мы должны найти из него выход. Но где ж этот выход? Где?

Минотавр ходил по лабиринту. Выхода не было.

— Все у меня не как у людей! — вздыхал Минотавр, по общему обыкновению преувеличив свои несчастья: и руки, и ноги, и туловище у него были совсем как у людей, только голова как у быка, да и та досталась ему от случайного знакомого его матери — легкомысленной женщины Пасифаи.

— О боги! — вскричал Минотавр, так ничего и не придумав своей головой.— О боги, помогите мне найти выход!

Боги явились на место происшествия и стали искать Минотавра, чтобы оказать ему первую помощь.

— Ау, Минотавр! — кричали боги.— Ау, где ты?

— Ау, боги! — отзывался Минотавр. — Я не знаю, где я!

— Ау, Минотавр!

— Ау!

Куда ни ступали олимпийцы, всюду они натыкались на стену. И тогда боги растерялись, рассеялись по многочисленным ходам лабиринта. Теперь уже никто не думал о Минотавре — каждый думал о себе, как бы самому выбраться на волю.

— Что такое счастье? — размышляли боги, впервые озаботившись земными проблемами. — Счастье — это выход из безвыходного положения... Ау, Минотавр! Ты не знаешь, где выход?

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА

Бедный Ахиллес, пятка была его слабым местом. И даже умирая, он предостерегал своих воинов:

— Не показывайте пяток врагу!

Но воины презирали опасность. Воины шли в бой и бесстрашно показывали врагу свои крепкие, неуязвимые пятки.

ТАНТАЛОВЫ МУКИ

— Кланяйся, Тантал, кланяйся!

Века и века стоит Тантал по шею в воде и склоняется к ней, мучимый жаждой. Но вода исчезает, не уступая ему ни глотка. Под ногами сухая земля, а рядом журчат ручьи, плещет река, и гром гремит в небесах:

— Кланяйся, Тантал, кланяйся!

Тантал бросил вызов богам, его соблазнили лавры Прометея. Но Прометей оставил людям огонь, а что оставит после себя Тантал? Только свои Танталовы муки?..

— Кланяйся, Тантал, кланяйся! Ты уже давно служишь богам, хотя убежден, что борешься с ними.

VAE VICTIS

Много побед одержал великий Пирр, но в историю вошла только одна пиррова победа.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

— Избавь меня, бог, от друзей, а с врагами я сам справлюсь!

Он так усердно боролся с врагами, что бог избавил его от друзей.

ВЕТХО- ЗАВЕТ- НОЕ...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сначала их было двое:

**БОГ
и
АДАМ.**

Потом появилась эта женщина.
— Не пожелай жены ближнего своего,— предупредил бог на всякий случай.

Но у Адама не было никого ближе себя. Первый человек был сам себе ближний.

— Я тебя не желаю!— сказал он своей жене.

ЕВА

расплакалась:

— Ой, Адам, что же теперь будет?

— Будущее покажет,— сказал Адам.—

А пока — подальше от греха...

Адам сел на осла и поехал в будущее.

**КАИН
и
АВЕЛЬ**

} будущие дети Адама

обсуждали какие-то свои проблемы.

— Куда путь держишь? — спросили они у будущего отца.

— Куда-нибудь... от греха подальше...

— Ну, тогда ты едешь не в ту сторону, — рассмеялся Каин. — Сейчас здесь произойдет грех: я убью вот этого, моего брата.

Адам с ужасом смотрел на своих сыновей. Потом стеганул осла и поехал прочь — от греха подальше.

НОЙ —

известный праведник и божий угодник — сидел при дороге, ожидая попутного транспорта.

— Подвези, старина!

Адам остановил осла, и дальше они поехали вместе.

Когда двое, время бежит быстрее, но осел бежит медленней, когда на нем сидят двое. У Адама и Ноя было время поговорить. Собственно, говорил один Ной. Он задавал вопрос и тут же продолжал, не дожидаясь ответа:

— Ты как живешь? Я лично живу хорошо, слава богу, не жалею! — Ной болтал ногами, рискуя свалиться с осла, и рассказывал о своей родословной.

**МАФУСАИЛ
и
ЕНОХ**

} предки Ноевы

были известны своей праведностью. Один прожил почти тысячу лет, а другого и вовсе живым взяли на небо.

**МОИСЕЙ,
ДАВИД
и
СОЛОМОН**

} Ноевы потомки

тоже будут большими людьми.
— А женщины! Какие там будут женщины!

СУЛАМИФЬ

— не слыхал? Это же жена Соломона! Адам подстегнул осла, но не сумел уйти от разговора.

— Ты едешь дальше? Я лично здесь сойду. Я лично уже приехал. Сейчас, понимаешь, начнется великий потоп.

— Потоп? — испугался Адам. — А как же я?

— Ты-то? Я скажу за себя. — Ной слез с осла и стал так, чтоб его было хорошо видно. — Вот сейчас я построю ковчег, посажу в него своих, и — после нас хоть потоп! После того, как мы будем уже в ковчеге.

Адам пришпорил осла и пустился подалее от греха.

— Так вот она где! А я ищу ее всюду!

— О ком ты говоришь, человек?

Человек ткнул пальцем в Адамова осла:

**ВАЛААМОВА
ОСЛИЦА**

— это ослица Валаама, потому что хозяин ее — Валаам!

— Чудак человек, какая ж это ослица? Это осел, мой осел, я еду на нем от самого сотворения!

Валаам поник, загрустил.

— Не надо расстраиваться,— сказал Адам.— Если хочешь, возьми моего осла.

Но Валаам не стал брать осла.

— Ты думаешь, мне жаль ослицы? Пропади она пропадом, околея, я бы тогда вздохнул спокойно. Но она не пропала — такая не пропадет!

— Так чего ж ты расстраиваешься?

— Оттого и расстраиваюсь. Ведь это не просто ослица, это ослица говорящая. Ох, чего она там наговорит!

Валаам схватился за голову и помчался искать свою ослицу.

— А теперь куда поедем?

Адам вздрогнул: это был голос его осла. Раз другие говорят, почему бы ему не попробовать?

— Замолчи! — пришикнул на него Адам.

— Ты мне рот не затыкай! — разговорился осел.— Не такие теперь времена!

САМСОН — великий силач и герой —

появился как раз вовремя.

— Хана филистимлянам! — сказал Самсон.

— Неужели хана? — поинтересовался Адам для приличия.

— В основном хана. Я их, понимаешь, лисицами. Поджег лисицам хвосты, те

побежали, все пожгли.— Самсон помолчал.— Теперь остается добить население. Но вот вопрос — чем? Послушай, дай мне своего осла! — Осел хотел что-то сказать, но Самсон зажал ему челюсть.— В этом деле ослиная челюсть — незаменимая вещь!

— Ну что ж, бери,— сказал Адам, обрадовавшись случаю избавиться от горящей скотины.

— Гогу Гогово, Магогу Магогово...

ГОГ
И
МАГОГ

} здоровенные великаны

сидели, разинув рты, и слушали, что им говорил

ИОНА

библейский пророк.

Великаны сидели, разинув рты, но им туда ничего не попадало.

Тут-то им и подвернулся Адам.

— Гогу Гогово! — крикнул Гог, хватая за ногу первого человека.

— Магогу Магогово! — крикнул Магог, хватая Адама за вторую ногу.

Пророки молча наблюдали, поскольку дележ не шел вразрез с их учением. Слава богу, выручил

САТАНА.

— А ты далеко забрался,— сказал он, оттащив Адама подальше от греха.—

Ну, и как теперь у тебя с грехами?

— От одного ушел, да как-то все другие попадают...

Сатана покачал головой:

— Разве ж можно от всех уйти? Да, по правде сказать, и незачем... Вон, гляди!

ИОВ —

нищий, больной человек — стоял на выжженном пустыре, заломив руки к небу.

— Вот он какой — без греха. Послушай, Адам, опомнись! Пока ты ходишь здесь, Ева ест яблоки с каким-то другим человеком!

— С каким человеком?

— Мало ли с каким! У женщин ведь знаешь как? Пока ты с ней, ты для нее первый человек, а нет тебя...

— Замолчи, сатана!

— Хорошо, я молчу.

Адам стоял и не знал, куда податься. В прошлом была Ева, в прошлом была уютная райская жизнь. А что ждет его в будущем?

— Не молчи, сатана! Помоги мне вернуться обратно!

— Это можно, — сказал сатана. — Итак, вернемся в прошлое...

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Вылепил бог человека. Все ему сделал как настоящее, еще и кусок глины остался. Спрашивает у человека:

— Что тебе из этого слепить?

Оглядел себя человек: руки и ноги есть, голова тоже на месте. Чего еще надо?

— Слепи мне,— говорит,— счастье. Остальное вроде имеется.

Призадумался бог, стал вспоминать. Много он повидал на своем веку, а счастья так и не видел. Поди знай, как его лепить!

— Вот тебе твоё счастье,— сказал бог и протянул человеку нетронутый кусок глины.— Да, да, в этом и есть счастье— в куске глины, из которого что хочешь можно вылепить!

Человек взял глину, повертел в руках.

— Да-а...— сказал он.— Это ты ловко придумал...

ДВОЕ В РАЮ

— Что будем делать? — спросил Адам.

— А чего делать? — улыбнулся господь.— Слава богу, все сделано.— И он показал на райские кущи и реки, текущие молоком.

— Видишь, Адам, я славно поработал!

— Ну а дальше? — спросил Адам.

— Дальше? Дальше и желать нечего!

Они сидели посреди рая, неспешно вели разговор и ничего, ничего не желали.

— Жарко,— сказал Адам.— Наверно, это к дождю.

— К дождю,— сказал господь.

— Когда дождь, тогда уже не так жарко.

— Тогда не так...

Помолчали.

— Помню, когда я это все начинал,— сказал господь.— Ох и трудно было! Вот, кажется, молоко — уж на что нехитрый предмет. А ведь его не то что в реках, а и просто в бутылках не было.

— Не было, говоришь?

— Не было.— Господь оживился, вспомнив первые дни сотворения.— Ты возьми корову. Думаешь, ее создал — и на этом все? А корм? Ведь корова требует корм!

Адам взял камешек и пустил по реке. Раз, два, три, четыре, пять... Несколько молочных кругов — и опять все спокойно.

— Да, трудно у нас было с кормами,— продолжал вспоминать господь.— Траву на пустом месте не вырастишь, ей земля нужна. Вот и пришлось создать эту землю...

Время близилось к вечеру, но жара не спадала. Адам задремал. Ему снились райские кущи и реки, текущие молоком. Потом он проснулся и увидел вокруг то же самое.

Господь все еще говорил. Когда-то, говорил он, здесь не было ничего, а теперь — полюбуйтесь. И все это сотворил он, господь, вот этими руками!

— Господи! — взмолился Адам.— Но меня-то, меня ты зачем сотворил? Для того, чтоб было кому благодарить тебя за работу?

Господь осекся. Господь замолчал. Он посмотрел на горы и реки, на солнце, которое он сотворил...

— Жарко,— сказал господь.— Наверно, это к дождю...

РЕБРО АДАМА

— А где еще одно твое ребро?

Это были первые слова, с которыми на свет появилась Ева.

— Дорогая, я тебе сейчас все объясню. У создателя не нашлось материала, и он создал тебя из моего ребра.

Она стояла перед ним — божественное создание — и смотрела на него божественным взглядом.

— Я так и знала, что ты тратишь свои ребра на женщин!

Так началась на Земле семейная жизнь.

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА

— Живем! — крикнул Адам и полез на дерево жизни.

Где-то там, среди этих жизней, была и жизнь сатаны, и тот за нее испугался.

— Ева,— сказал сатана,— вы умная женщина. Объясните этому человеку, что нехорошо лазить по деревьям.

Ева пожала плечами:

— Хорошо, нехорошо... Честно говоря, я в этом слабо разбираюсь.

Сатана призадумался:

— В таком случае посмотрите туда. Что вы там видите?

— Еще одно дерево.

— Между прочим, это дерево познания добра и зла. Стоит вам попробовать один плод, и вы тут же поймете, хорошо ли лазить по деревьям.

Ева тут же попробовала.

— Адам! — крикнула она.— Иди сюда, я нашла яблоко!

Всего одно яблоко, а как разгневался бог! Он ругал Еву, Адама и даже сатану, хотя сатану ругать было вовсе не за что. Сатана правильно поступил: ведь если б не это яблоко, что было бы с деревом жизни?

ДРЕВО ЖИЗНИ

«Разве я сторож древу моему?» — размышлял господь, сидя под деревом жизни. Но ничего не поделаешь — приходилось быть сторожем... От этих людей всего можно ждать.

Древо жизни росло из земли и тянулось к небу. Небо было ясное, голубое, и к нему так приятно было тянуться!

— Эх-эх-эх! — потянулся господь.— Труды наши тяжкие... Разве я сторож древу моему?

На выручку богу пришел сатана. Улучив минуту, когда господь задремал, он взял и пересадил древо кроной вниз, чтобы оно не так явно тянулось к небу.

С тех пор древо жизни растет в землю...

КАИН

Уже на заре истории была уничтожена половина человечества: Каин убил Авеля.

Потом потекли мирные дни. Каин оказался дельным хозяином: он быстро освоил землю и заселил ее обильным потомством. И своим детям, которые не могли всего этого оценить, Каин не раз говорил:

— Берегите, дети, этот мир, за который погиб ваш дядя!

КАИНОВА ПЕЧАЛЬ

О господи, мы в слепоте своей не ощущаем тяжесть утраты! Великий Каин любил людей, он обращался с каждым — как с братом! Великий Каин любил народ, не уставал говорить о народе...

За что же камень в его огород — как раз когда Каин сидит в огороде?

МАФУСАИЛ

Первым человеком был Адам.

Мафусаил не был первым человеком.

Первым пророком был Моисей.

Мафусаил не был первым пророком.

Поэтому Мафусаил прожил девятьсот шестьдесят девять лет. И в некрологе о нем было написано: «Безвременно скончался...»

НЕБЕСНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Еноха, сына Иаредова, отца Мафусаилова, бог взял на небо живьем. Ходит Енох по небу, на землю заглядывается.

— Что это ты, Енох, ходишь как неживой? А ну, давай, живей поворачивайся!

Медленно поворачивается Енох. Ступит на тучку, вниз поглядит. Вздохнет, на другую ступит...

Надоело богу такое дело и спихнул он Еноха вниз. Не со зла, а так, с воспитательной целью.

Шлепнулся Енох о землю — и опять на небо взлетел. На этот раз уже после смерти. Трепыхает крылышками, носится взад-вперед, куда ни повернись — всюду он под руками.

— Ну вот, — ухмыляется бог, — так-то оно поживей будет!

НОЙ

Ной, этот старый подхалим, громче всех хвалил господа, и господь не мог этого не отметить.

— Ной у нас святой человек,— не раз говорил господь людям.— Мы все должны брать пример с Ноя.

Но люди никогда не умели следовать хорошим примерам. И тогда господь устроил им потоп. Он уберег только своего любимчика Ноя, который спасся вместе с семьей, прихватив всякой твари по паре.

— Ну вот, теперь у нас с тобой порядок,— сказал бог, когда они с Ноем остались одни.

— Хвала тебе, господи! — бодро выкрикнул Ной.

— Правильно говоришь,— улыбнулся господь.— А теперь давай, действуй по своему усмотрению. Я скоро приду. Пока, до второго пришествия.

Во второе пришествие на земле ничего не изменилось. Ной сидел в том же положении, в каком его оставил всевышний.

— В чем дело, Ной? Почему у тебя не движается работа?

— Хвала тебе, господи!

— Хвала— это само собой,— смягчился господь.— Но о деле тоже забывать не следует. Я на тебя надеюсь, не подведи. Пока, до третьего пришествия.

В третье пришествие господь застал Ноя в том же положении.

— Как это понимать, Ной? Чем ты занимался все это время?

— Хвала тебе, господи!

— Ах, Ной,— поморщился господь,— что ты заладил одно и то же? Я тебе поручил начать здесь новую жизнь, не могу же я сам во все вникать, должен же и ты проявить инициативу!

— Хвала...

Бог вышел из себя. Он плюнул, принес ведро и утопил в нем Ноя.

Так погиб Ной, праведный человек, который уцелел во время всемирного потопа.

А землю бог заселил грешниками.

И все пошло как по маслу.

БАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Один из них сказал:

— Давайте сотворим столп во славу божию!

Каждый приносил камень и складывал в общую кучу.

И увидел бог, что это хорошо.

— Мне это нравится,— сказал он своим архангелам.— Я сам в молодости шесть дней работал на строительстве, так что я могу понять рабочего человека.

Люди взялись дружно, и вскоре столп приблизился к небу.

— А на небе-то пусто, никого нет! И бога нет! А мы, дураки, старались!

Бог обиделся.

— Вы слышите? — сказал он архангелам.— Они говорят, что меня нет. Разве это правда? Скажите, вы меня давно знаете.

Архангелы жили на небе, пили нектар и амброзию, поэтому они верили в бога. Вернее, они верили в бога, и поэтому пили нектар и амброзию.

— Вездесущий! — сказали архангелы.

— Ну, видите! А они что твердят в один голос? Нет, видно, придется смешать им языки, чтобы у них не было такого единогласия!

Бог так и сделал, и люди сразу перестали понимать друг друга. Каждый вытащил из кучи свой камень и спрятал его себе за пазуху.

И увидел бог, что это хорошо.

— Ну, теперь у них дело пойдет,— сказал он.— Что у нас дальше на повестке дня? Кажется, Содом и Гоморра?

СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ

— Содом и Гоморра... Содом и Гоморра...— припоминал всевышний.— Что-то я их не нахожу на карте... Ага, есть. Так что там в этих городах?

— Все хорошо,— сказал первый заступник.— Жители смиренные, благонамеренные, господа чтят, и все такое...— Заступник вспомнил, как на его глазах молодой содомлянин перемигнулся с юной гоморреянкой, и замялся:— Есть, правда, недоработки морального порядка...

— Недоработки?— насторожился всевышний.— Это уже хуже.

— С кем не случается?— поспешил вмешаться второй заступник.— Мы сами были и молодыми, и даже детьми...— Сказав о детях, второй заступник вспомнил мальчишку-гоморреянина, который показал ему язык.— Кстати, с детьми у них не все благополучно. Так сказать, промахи в вопросах воспитания.

— Промахи?— нахмурился всевышний.— Это еще хуже!

— С детьми — сами знаете как. Это не то, что взрослые... — сказал третий заступник и осекся. Он вспомнил двух взрослых людей, которые валялись на улице Содома, пьяные в стельку.

— Ты что-то хотел сказать? — покосился на него всевышний. — Ну, говори, выкладывай!

— Срывы у них... по части возлияния... — выдавил из себя третий заступник.

— Срывы?! Да это же черт знает что! Уничтожить! Сжечь! Испепелить до основания!

Уничтожили, сожгли, испепелили.

Сокрушаются святые заступники:

— Все труднее работать со стариком... Такие города, таких людей уничтожить! Ну и порядки пошли — прямо-таки Содом и Гоморра!

ВТОРОЗАКОНИЕ

«Возлюби ближнего!» — гласит первый закон. А о том, что своя рубашка ближе ближнего, — это уже второй закон.

«Не убий!» — гласит первый закон. А о том, чтоб убивать всех инакомыслящих, — это уже второй закон.

Для людей бог создал закон, а для себя — второзаконие.

КАРА ГОСПОДНЯ

— Не пожелай жены ближнего своего! — сказал господь, смерив жену ближнего понимающим взглядом. И когда один из смертных ее пожелал, бог тут же покарал его на месте.

Ведь этот грешник не только украл чужую жену — он, можно сказать, украл чужую идею!

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

А земля обетованная оказалась обычной землей, да еще вдобавок сухой и каменистой.

Соплеменники Моисея ковырялись в этой земле и с тоской вспоминали то время, когда они, голодные и босые, брели по безводной пустыне и впереди у них была земля обетованная...

ЖЕРТВЕННАЯ ТЕЛИЦА

Богу нужны жертвы. Бог не может без жертв. И вот ему понадобилась телица. Не какая-нибудь, а рыжая, естественно, молодая, без каких-либо недостатков и не знавшая ярма.

На скотном дворе заседает приемная комиссия.

— Ну, отвечай: знала ярмо?

Телица потупилась.

— Тебя спрашивают!

— Знала...

— Проваливай! Следующая!

— Есть недостатки? — спрашивают у следующей.

— Какие наши недостатки? — вздыхает телица.—

То того нет, то другого...

— Следующая! Эй, ты, куда прешь? Ты же не рыжая, а черная!

— Но я не знала ярма...

— Не пойдет! Следующая!

Перед комиссией — ярко-рыжая телица.

Шепот в комиссии:

— Вам не кажется, что она крашенная?

— Один черт! Теперь в этом не разберешься.

— Я вас слушаю,— говорит телица, будто она не телица, а председатель приемной комиссии.

Члены комиссии затихают. Потом следует вопрос:

— Простите, пожалуйста, у вас есть недостатки?

Телица вскидывает голову и делает корпусом полуоборот:

— Вы что, сами не видите?

Члены комиссии краснеют.

— Да, да, конечно... Еще один нескромный вопрос: вы знали ярмо?

— Ярмо? За кого вы меня принимаете?!

Комиссия удовлетворена. Вот это телица! Такую не стыдно принести в жертву.

Но члены комиссии не спешат. Они сидят и, как замороженные, смотрят на рыжую телицу. Потом один из них говорит:

— Приведите-ка сюда ту, черную...

ОСЛИНАЯ ЧЕЛЮСТЬ

Осел сказал:

— Вот я тебя сейчас челюстью!

— Это как? — растерялся лев.

— Ты что ж, не читал святого писания? Там ясно сказано, что Самсон побил ослиной челюстью тысячу филистимлян.

— Ишь ты! Целую тысячу?!

— Ни больше, ни меньше. Ослиная челюсть — страшное оружие, если она в надежных руках!

— Покажи! — попросил лев. — Разреши, пожалуйста, я потрогаю!

Потом лев стоял над мертвым ослом, прижимая к груди его челюсть. «Да, — думал лев, — покойник был прав: в надежных руках ослиная челюсть — страшное оружие!»

ЛИСИЦЫ САМСОНА

Собрал Самсон триста лисиц и говорит:

— Вот какое дело: надо отомстить филистимлянам. Сейчас я подожгу вам хвосты, а вы побежите и выжжете все их поля.

Лисицам понравилась такая идея. Подставили хвосты, побежали.

— Ну и хитер наш Самсон!

— Шутка сказать — до такого додуматься!

Бегут лисицы — ног под собой не чувт:

— О, это будет месть!

— Страшная месть!

Бегут лисицы, объятые пламенем:

— Ох и достанется филистимлянам!

— Представляете, какой у них будет вид?

— Да, не хотелось бы быть на их месте!

ВАЛААМОВА ОСЛИЦА

И заговорила ослица человеческим голосом:

— Со слов Валаама...

Разинули рты святые угодники: шутка сказать — со слов Валаама!

— Тише, тише! — шикают друг на друга. — Дайте уловить, дайте запомнить!

— Со слов Валаама... — говорит ослица.

— Со слов Валаама, — млеют угодники, — действительно, лучше не скажешь.

И никто не знает, кто такой Валаам. Но, наверно, кто-то такой, раз на него ссылаются. Может, из Библии, может, еще откуда...

Слушают святые угодники.

На ус мотают.

Пример берут.

С ослов Валаама.

СТАДО МОИСЕЕВО

— Не сотвори себе кумира. Я, например, не сотворяю. У меня, например, к этому не лежит душа.

Зашумело стадо Моисеево.

— Вы слышали, что сказал Моисей?

— ...как это правильно!

— ...как верно!

— ...не сотвори кумира!

— ...не сотвори!

— ...о Моисей!

— ...мудрый Моисей!

— ...великий Моисей!

ГОГ И МАГОГ

Плохи дела у бога. Люди живут убого. Попро-
буй всем угоди: их много, а он один.

Позвал бог Гог. «Иди,— говорит,— на подмогу.
Ну как мне справиться—сам посуди: вас много,
а я один».

Пошел, поднатужился Гог, взмолился: «Помилуй,
бог! Раба своего не вини: их много, а мы одни!»

Позвал Гог Магога: «А ну-ка, поможем богу!
Пусть увидит всевидящий бог, что значат Гог и Ма-
гог!»

Трудился, крутился Магог, но богу никак не по-
мог. И видя, что плохи делишки, на помощь позвал
людишку.

Людишка встал, подтянулся, к народу лицом по-
вернулся (позиция этого рода имеет успех у на-
рода).

«Эй,— крикнул людишка,— люди! На бога роп-
тать не будем! Чем меньше, тем больше, чем хуже,
тем лучше,— на небе сполна получим!»

Поверили люди людишке, собрали свои вещишки: что было, всего понемногу, последнее отдали богу.

Бог удивился: «Смотрите-ка! Хотя б тебе слово критики! Там, где бессильны Гог и Магог, нужен один демагог».

ПРОРОК ИОНА

Иону бросили в море.

— Человек за бортом! Человек за бортом! — вопил пророк, дрожа от страха и холода. Усердно жестикулируя, он кое-как держался на воде. Потом его проглотил кит.

— Ну вот и слава богу, — сказал Иона, когда они остались вдвоем. — Куда мы теперь поплывем? Надеюсь, к берегу?

Кит очень удивился.

— Откуда ты знаешь? Я как раз туда собирался...

— Чудак ты, — сказал Иона. — Чудо-юдо... Ведь я же пророк, мне все известно заранее.

Кит не нашел что ответить.

— Тебя как зовут? — спросил он, помолчав.

— Иона.

— А чего это ты, Иона, там колотишься?

— Богу молюсь.

— Странно, — сказал кит. — Я думал, одного проглотил, а вас, оказывается, там двое?

— Вот чудо-юдо,— засмеялся Иона.— Бог не здесь, он на небе, а я отсюда ему молюсь.

— Небось, не услышит? — усомнился кит.

— Услышит, он все услышит!

— А у меня с этим делом беда,— пожаловался кит.— Глохнуть чего-то стал. Рыба мимо проплывет — и то не слышу. Кабы не ты — хоть с голоду пропадай!

Иона пуще заколотился.

— Научи меня молиться, Иона,— попросил кит.

— Плыви к берегу, там увидим.

Когда подплыли к берегу, Иона стал учить кита:

— Скажи: «Господи, помилуй!»

— Господи, помилуй!

— Громче!

— Господи, помилуй!

— Да не так, не сквозь зубы — пошире рот разевай!

— Господи, помилуй! — рявкнул кит во всю пасть, и Иона выскочил на берег.

— Постой, куда же ты? — растерялся кит.— А как же я? С голоду пропадать, что ли?

— Ты богу молись,— посоветовал Иона.— Попроси у него, он подаст.

Но кит уже разуверился в боге.

— «Молись», «молись»! Тут не то что дадут — отнимут последнее! Тьфу на тебя! — И кит пустил на пророка струю.

Но Иона уже твердо стоял на земле.

— Заткни фонтан,— презрительно бросил Иона.

ИОВ

— Любит!

— Не любит!

— Любит!

— А вот и не любит! — сказал сатана и показал богу язык.

— Ну почему же? — запротестовал господь.— Почему ты думаешь, что Иов меня не любит? Живет он как положено, соблюдая заповеди, не ропщет...

Сатана рассмеялся:

— А чего ему роптать? У него одних овец семь тысяч, да верблюдов тыщи три, да волов, да ослов... Ну ты, батя, сам посуди: разве можно роптать при таком состоянии?

Аргументы бога были исчерпаны.

— Отыди от меня, сатана! — крикнул он и перекрестился.

— Не отыду! Ты сам знаешь, что я прав.

— Ну хорошо же! — сказал господь.— Тогда смотри!

И он сжег все имущество Иова.

Но не возроптал праведный человек.

— Бог дал, бог и взял,— сказал он, как было написано в Библии.

Сатана смутился.

— Твоя, батя, взяла. С меня причитается.

— Нет, ты еще посмотри! — ликовал господь.

И он уничтожил семью Иова.

— Бог дал, бог и взял,— твердил несчастный праведник.

— Еще смотри!

И бог поразил Иова всеми болезнями, какие оказались у него под рукой.

— Хватит! — возопил сатана, и слезы потекли по его нечестивой роже.— Любит он тебя, любит, потому что дурак! Разве можно так измываться над человеком?!

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

И взял Давид Авигею, жену Навала, и сделал ее своей женой.

И еще взял Мелхолу, жену Фалтия, и сделал ее своей женой.

И еще взял Вирсавию, жену Урии Хатеянина, и сделал ее своей женой.

И говорили Давиду:

— Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто твоя жена.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

— Возлюбленный мой бел и румян, краше десяти тысяч других. Не видали ли вы того, которого любит душа моя?

— Проходи, проходи, некогда тут с тобой!

— Голова его — чистое золото, кудри его волнистые, черные, как ворон. Глаза его — голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве. Щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений. Уста его — сладость, и сам он — любезность. Не видали ли вы того, которого любит душа моя?

— Сказано — проходи! У нас таких, как ты, целый гарем.

Суламифь не уходила. Она стояла перед служителями гарема и говорила им о своей любви.

— Что яблонь между лесными орехами, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей. Он взял меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь.

Евнухи переглянулись.

— Ты, девчонка, что знаешь ты о любви?

— Любовь — это песня. Любовь — это песнь песней.

— Песня, говоришь?

— Большие воды не могут погасить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатства дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

— Ладно, насчет этого ты нас не учи — мы при этом деле приставлены. Давай проходи!

Суламифь прошла.

Евнухи уместились на мягких подушках и настроились на лирический лад:

— Любовь... оно, конечно... любовь... Давай говорить как мужчина с женщиной...

ПРИТЧИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

— Лучше открытое обличение, нежели тайная любовь!

Прежде подданные тайно любили царя, но, услышав такую притчу, перешли к открытому обличению:

— И это называется царь!

— Подумаешь — Соломон Мудрый!

— Считает себя мудрым, а на самом деле дурак дураком!

Подданные обличали вовсю. Они не щадили ни Соломона, ни его жен, ни его роскошных хоромов. Они перемывали косточки царя, как перемывают грязную посуду.

И тогда Соломон сказал еще одну притчу.

Он сказал:

— Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою, а кто широко растворяет рот, тому беда!

И подданные захлопнули рты.

Подданные замолчали.

Подданные по-прежнему тайно любили царя.

НОВО- ЗАВЕТ- НОЕ...

ЕЩЕ
ОДНА
ВЕРШИНА ВЗЯТА
ИИСУС ХРИСТОС
ВЗОШЕЛ
НА ГОЛГОФУ!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Синедрион — это было такое учреждение.

Фарисеи — это была такая иудейская секта.

И вот вызывают в учреждение одного фарисея.

— Говори, — говорят, — что знаешь.

За столом сидят иудейские первосвященники, на почетных местах:

ИРОД

и

ПОНТИЙ ПИЛАТ

} римские наместники Иудеи.

Испугался фарисей.

— Я, — говорит, — ничего не знаю.

— Знаешь, знаешь, — убеждают его судьи синедрионские. — Это касается дела Иисуса Христа. Помнишь, было такое громкое дело?

**ИИСУС
ХРИСТОС...**

Ну что о нем можно сказать?

Мнется фарисей, не знает, как уйти от ответа.

— Да ты не бойся,— улыбается Понтий Пилат.— Ты-то здесь ни при чем, твоя хата с краю.

Ну, если с краю, тут уж стесняться нечего.

— Дело было так,— говорит фарисей.— Сначала появился Предтеча. Этот, Иоанн, которого потом называли Крестителем. Когда началось избиение младенцев, он удалился в пустыню...

ПРЕДТЕЧА — это был крестный Иисуса Христа.

МЛАДЕНЦЫ — это были такие преступники.

— И вот, значит, удалился этот Иоанн в пустыню и стал вопить гласом вопиющего: «Идущий сзади меня идет впереди меня!» Народ, конечно, был озадачен: как это — сзади и вдруг впереди? А он, Иоанн, воспользовался замешательством — и давай всех крестить направо и налево. Попался ему Иисус — он и его окрестил.

Фарисей быстренько перевел дух и продолжал с увлечением:

— Потом появились еще апостолы. Ну, эти всё ссорились между собой, особенно Фома и Иуда. Иуда поцеловал Христа, а Фома не хотел, и его за

это называли Неверным... Мария Магдалина тоже с ними была...
Слушают судьи синедрионские, на бумажки записывают:

**ФОМА
и
ИУДА**

} христовы апостолы,

**МАРИЯ
МАГДАЛИНА**

— христова невеста...

— Так и ходили они,— продолжает фарисей.— Впереди — он, учитель, а за ним — они, ученики. Никто на них не обращал внимания... Но когда они стали отделять овец от козлиц...

ОВЦЫ —

это были такие праведники.

КОЗЛИЦА —

это были такие грешники.

— ...так вот, когда они стали отделять, тут наш брат фарисей не выдержал. «Братцы! — крикнул фарисей Савл — тот, который впоследствии стал апостолом Павлом.— Пошли побивать камнями христиан!» Ну, мы и пошли... — Хватит!

Председатель разбил графин и замер в зловещей позе. Фарисей посмотрел на него и обмер: перед ним стоял

**АПОСТОЛ
ПАВЕЛ.**

Тут же в зловещих позах сидели

**АПОСТОЛ
ПЕТР
ИОАНН
БОГОСЛОВ
НИКОЛАЙ
УГОДНИК**

} все до одного — честные христиане.

— Господа,— пробормотал фарисей,— куда я попал? Разве здесь не синедрин?

— Нет,— сказал Павел,— здесь не синедрин. Здесь совсем другое учреждение.

— А почему здесь Ирод? И Понтий Пилат?

Ирод и Понтий вскочили со своих мест:

— Во имя отца и сына и святого духа!

**ОТЕЦ,
СЫН
и
СВЯТОЙ ДУХ**

} это была такая святая троица.

— Господа фарисеи! — сказал фарисей и тут же поправился: — Господа христиане! Все, что я тут сказал, прошу считать недействительным!

Тогда поднялся Иоанн Богослов:

— Ну зачем же недействительным?

Документ есть документ. Я откровенно скажу,— Иоанн заглянул в свое Откровение,— у нас мало материалов об Иисусе Христе. Нам пригодится то, что вы рассказали. Только признайтесь: от кого слышали?

— Кажется, от Матвея.

— Так и запишем: «От Матфея».

— И еще от Луки,— сказал фарисей, поспешно называя своих знакомых.

— Так и запишем: «От Луки».

— А куда меня?— спросил фарисей, дрожа от страха и раскаяния.

— Тебя-то? Тебя никуда. Можешь идти.

Фарисей перекрестился.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Добрые волхвы шли с самого востока и по пути объявляли каждому встречному:

— А мы видели звезду! Только, пожалуйста, пусть это останется между нами...

И они поясняли, что это — звезда будущего иудейского царя, к которому они сейчас и направляются, чтобы вручить ему свои дары. Правда, пока что он просто младенец Иисус, но у него, говорили волхвы, все в будущем.

Встречные встречали других встречных и, между прочим, делились свежей новостью:

— Вы слышали?

— Да, да, уже все говорят...

— Будущий царь!

— А как же наш Ирод?

Ирод — царь настоящий и в силу этого настроен-

ный против всякого будущего — отнесся к сообщению с должным вниманием.

— Приведите ко мне этого самозванца! — приказал он своим людям.— Откуда? Я не знаю, откуда! Идите за этими... они покажут дорогу.

Добрые волхвы шли к царственному младенцу, а за спиной у них были дары, а также люди, приставленные к ним Иродом.

— А мы видели звезду! — объявляли волхвы.

— А мы видели звезду! — ликовали волхвы.

И шли за своей путеводной звездой — путеводные звезды царя Ирода...

ЕВАНГЕЛИСТЫ

— Врачу, исцелися сам!

Вот с какими словами обратился сатана к богу.

Но впоследствии эти мудрые слова были у него украдены и попали в евангелие «От Луки», приобретя таким образом совершенно другого автора.

Сатана возмутился. Он метался между небом и землей, обращался и в низшие, и в высшие инстанции и всюду требовал, чтобы евангелие «От Луки» впредь именовали евангелием «От Лукавого».

— Потому что это несправедливо,— говорил сатана.— Потому что эти апостолы жнут, где не сеяли.

Жнут, где не сеяли... Золотые слова! Но не успел сатана их сказать, как они попали в евангелие «От Матфея».

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

Палач тяжело дышал.

— Сил моих нету! Прямо детский сад, а не серьезное заведение!

— Чтобы рубить головы, надо свою сохранить на плечах,— мягко улыбнулся царь Ирод.

— Трудно с ними,— всхлипнул палач.— Сущие ведь младенцы!

— Младенцы? — Ирод встал из-за стола.— Младенцы? — Ирод вышел на середину кабинета.— Запомни, палач: если думать о будущем, младенцы — это самый опасный возраст. Сегодня младенец, а завтра Иисус Христос!

ИОАНН ПРЕДТЕЧА

— Идущий сзади меня идет впереди меня! — загадочно вопил Иоанн Предтеча.

Он шел и вопил, шел и вопил, не пытаясь вникнуть в смысл этой таинственной фразы.

Над его головой проносились века. Возникали и рушились города, рождались и умирали мессии. А он все шел и вопил, шел и вопил.

Наконец он обернулся. Позади него было много людей, и все они были впереди, намного, намного впереди.

Так вот оно, значит, что! Святой Иоанн шел попросту не в ту сторону...

СВЯТАЯ ТРОИЦА

— Итак, голосуется первое предложение,— сказал бог-отец.— Кто за? Кто против? Кто воздержался?

— Я воздержался,— поднял руку бог-сын.

— Опомнись, сынок! На кого ты поднимаешь руку?

— Я ни на кого,— замялся бог-сын.— Я просто так... голосую...

Старый бог рвал на груди балахон и метал громы и молнии.

— На меня? На самого? Не выйдет! Я себя породил, я себя и убью... когда сочту нужным...

— Простите, я хотел сказать...

— Нет, мальчик, шалишь!

— Я не шалю,— пробормотал мальчик и вдруг почувствовал себя мужчиной.— Но мне надоело... распинаться...

— Ах, ты не хочешь распинаться! Ну что ж, тогда мы сами тебя распнем!

И бог-отец отдал соответствующее распоряжение.

— А как же быть с обязанностями бога-сына? — спросил святой дух, который до сего времени сидел тихо.

— Ну, это я беру на себя,— успокоил его старый бог.— Тем более, что я сам себя породил — так что мне это и по штату положено.— И он заговорил громче, выступая одновременно от имени отца и сына: — Итак, голосуется первое предложение. Кто за? Кто против? Кто воздержался?

— Я воздержался,— сказал осмелевший дух.

— И ты, брат? — покачал головой бог — отец и сын.— Как же это? От кого, от кого, а от тебя я не ждал.

Говоря это, бог лихорадочно соображал, как бы разделаться со святым духом. Попробуй его ухватить, когда он бестелесный!

Святой дух сидел тихо, но рукѣ не опускал.

— Ладно,— нахмурился бог, принимая решение.— Сдашь мне дела, и чтоб духа твоего не было!

Духа не было. Бог остался один. Один в трех лицах.

— Итак, голосуется первое предложение. Кто за? Кто против? Кто воздержался? — Бог посмотрел вокруг и облегченно вздохнул: — Принято единогласно!

ИМЕЮЩИЙ УШИ

— Имеющий уши да слышит: легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное.

Но ведь верблюд тоже имеет уши!

«Ох,— думает верблюд,— после этих степей и пустынь, после всей этой жизни каторжной мне только игольного ушка недоставало!»

«Нет,— думает верблюд,— может быть, у богатых не райская жизнь, может быть, и у них есть свои неприятности, но — имеющий уши да слышит: верблюду тоже приходится нелегко!»

ГРЕХ

Отпустили душу на покаяние.

Идет душа, радуется:

— Эх, и покаюсь я сейчас! Так покаюсь!

Встретили ее как положено: окружили со всех сторон, спрашивают, что душе угодно. Так и так, говорит душа.

— Ладно, отвечай по порядку: что взяла на душу, что затаила в душе?

— Ничего я не взяла, ничего не затаила.

— Посмотрим, посмотрим,— говорят. И — лезут в душу.

Не вынесла душа.

— Каюсь,— говорит.— Все скажу, что прикажете!

Ну, тут уже отвели душу. А потом, когда отвели, выяснили, что за душой ничего нет. Зря она грех на себя взяла.

А раз взяла грех, значит, опять-таки надо каяться.

АПОСТОЛ ПЕТР

Апостол Петр громко бил себя в грудь.

— Не стучи, пожалуйста,— попросил Иисус.— Я уже сказал и опять повторяю: не успеет пропеть петух, трижды отречешься от меня.

Апостол Петр продолжал стучать:

— Господи, ты меня не знаешь!

— Знаю, всех вас знаю!

— Меня не знаешь, господи!

Петр заплакал. Потом встал, пошел и зарезал петуха.

Петух пропеть не успел. Иисус Христос знал своего апостола.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Апостол Павел прошел сложный, тернистый путь, были и у него свои шатания. Но и тогда, когда он с фарисеями искоренял христиан, как и позже, когда он с христианами искоренял фарисеев, Павел оставался верен главному и никогда не уставал повторять:

— Всякая душа властям предержавшим да повируется!

Вот потому он как был, так и остался апостолом.

ФОМА НЕВЕРНЫЙ

— Вот сейчас я пройду по морю, как по суку,— сказал Иисус.

Апостолы дружно выразили свое одобрение. Только Фома усомнился:

— Не нужно, господи, еще утонешь!

— Ты что ж, сомневаешься? Не веришь в божественные возможности? — покосился на него Иуда Искариот.

Иуду поддержали другие апостолы:

— Он всегда сомневается! Он ни во что не верит! Валяй, господи, иди! Если что — мы поддержим!

Иисус встал и пошел. По морю, как по суку.

— Встретимся на том берегу! — крикнул он восхищенным апостолам.

— Теперь я поднимусь по воздуху, как по лестнице,— сказал Иисус на том берегу.

— Не нужно, господи, еще расшибешься! — взмолился Фома, верный своему неверию.

Христос взмахнул руками и оторвался от земли.

— Bravo, bravo! — кричали апостолы, пока Иисус набирал высоту.— Мы так и знали, мы так и верили!

— А теперь,— сказал Иисус, опускаясь с неба на землю,— меня распнут на кресте.

— Господь с тобой! — перекрестился Фома.— Как можно говорить такое?

На него зашикали.

— Меня распнут на кресте,— продолжал Иисус.— Вобьют в меня гвозди...

— Слушайте! Слушайте! — ликовали апостолы.

— ...из моих ран потечет кровь, мне будет очень больно...

— Слушайте! Слушайте!

— ...потом я умру. А потом — воскресну.

Апостолы затаили дыхание. В тишине раздался тревожный голос Фомы:

— А вдруг не воскреснешь?

Иисус промолчал. Он только посмотрел на Фому взглядом, в котором не было прежней безмятежности, и продолжал:

— Но для того, чтобы меня распяли, меня нужно сначала предать. Кто хочет меня предать?

— Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я!

Ровно одиннадцать Я. Один Фома воздержался.

— Не все сразу, не все сразу! — замахал руками Иисус.— Для того чтобы предать, одного вполне достаточно. Пусть это будет...— Иисус обвел взглядом своих апостолов: — Ты, Фома!

Апостол рухнул на колени:

— Господи, пощади! Я люблю тебя, господи, я не могу тебя предать!

— Не гневи господа, Фома,— сказал Иуда Искариот.— Тебе сказано предай — значит, предай, не

вдаваясь в рассуждения. А не хочешь... Господи, позволь мне! Я сумею тебя предать, можешь на меня положиться!

— Спасибо, Иуда, ты верный человек!

Для того чтоб стать богом, человек должен сначала умереть, потому что церкви ни к чему живые боги. Неверный Фома этого не понимал—и он упирался, тянул всех назад, когда остальные ученики дружной гурьбой провожали учителя на Голгофу.

ПОНТИЙ ПИЛАТ

— Историю делают чистыми руками,— любил повторять Понтий Пилат, которому по роду службы приходилось вплотную заниматься вопросами истории. Поэтому он не одобрял той возни, которую затеяли вокруг Иисуса Христа местные служители культа. Ну, подумаешь, немножко зазнался человек, возомнил себя мессией— так уж сразу его распинать? Можно ж было разъяснить, указать, подправить.

Римский наместник Иудеи изучал в юности римское право, и ему было хорошо известно, в каких случаях применяется высшая мера наказания. Но служители культа...

Ох уж эти служители культа! Сегодня распнут, а завтра будут целовать распятие, да еще, пожалуй, распинать тех, кто не захочет его целовать. Сколько народу переведут — подумать страшно!

...Иисус висел на кресте, а в стороне стоял Понтий Пилат, римский наместник. Он даже отступил еще на шаг, чтобы все видели, что он стоит в стороне.

— Историю делают чистыми руками,— приговаривал Понтий Пилат.— Что касается меня, то я умываю руки!

МАРИЯ МАГДАЛИНА

После смерти Иисуса Мария Магдалина вскоре вышла замуж за одного из своих прежних дружков, который почел за честь соединиться с христовой невестой. Кончились чудеса, началась семейная жизнь, но супруги часто вспоминали покойного Иисуса.

— И ты рассказала ему обо всех своих грехах? — любил спрашивать муж.

— Рассказала.

— И он все простил, все забыл?

— Все как есть.

— Ишь ты!

После этого они обычно молчали.

— А ты как? — любила спрашивать Мария. — Ты ничего не простил?

В глазах мужа зажигались огни:

— Нет, Мария, я не простил!

— И ничего не забыл?

— Не забыл, Мария! — отвечал муж. И оба были очень счастливы.

СИИ МАЛЫЕ

«Горе тому, кто соблазнит единого из малых сих!»

Соблазненные такими речами, сии малые захотели большего.

Они обивали высокие пороги, высиживали в приемных, предъявляли справки о том, что они действительно малые.

Власти предержажие выслушивали их со вниманием.

— Вы добрые малые, и горе тому, кто вас соблазнит! — говорили предержажие власти и выдавали малым самые лестные характеристики.

— Вы добрые малые... — говорили они и заверяли характеристики своими подписями.

Но время шло, воздавалось кесарю кесарево, богу богово, а добрым малым никто ничего не воздавал. И они сидели в приемных с заверенными характеристиками.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

- Братья, вкусим!
- Во славу господа!
- Во славу слова его!
- Во славу славы его слова!
- Стойте, братья, что вы вкушаете? Это же не божья плоть, это же божья заповедь!
- Прости, господи, наши грехи! Своя своих не познаша!
- Ничего, ничего, ешьте ничтоже сумняшесь! Надо будет — напишем еще. Слава богу, все грамотные!
- Слава богу!
- Слава слову его!
- Слава славе его слова!
- Отверзнем уста, алчущие и жаждущие!
- Да не минует нас чаша сия!

ОВЦЫ И КОЗЛИЩА

Стали отделять овец от козлищ.

— Ты кто есть?

— Овечка.

— А откуда рога?

— Честным трудом добыты.

— А борода?

— В поте лица нажита.

— Проходи, проходи, овечка!

Отделяют дальше.

— Ты кто?

— Овечка.

— Где ж твоя борода?

— Беда ободрала.

— Где ж твои рога?

— Нужда обломала.

— Проходи, проходи, овечка!

Проходят козлища, лезут, прут, нагоняют страх на честных овечек. «Ох,— трясутся овечки,— трудные времена пошли! Не знаешь, когда бороду отпустить, когда постригаться!»

НИКОЛАЙ УГОДНИК

— Слышь, Николай, сомневаюсь я... Не верю в себя...

— Перекрестись, господи! Если сам не веришь, как же другие верующие? Ты ведь им пообещал райскую жизнь!

— Э, брось, Николай! Создать для всех райскую жизнь — это даже мне не под силу!

До чего дошел этот Николай — с самим богом пререкается:

— Под силу, господи! Ты ж всемогущий!

— Нет, брат. Чего не могу, того не могу...

— Можешь, господи! Ты же всемогущий!

— Не знаю, Николай, не знаю...

— Знаешь, господи! Ты же всезнающий!

Горячится Николай, спорит, бога гневит. Но бог совсем на него не гневается. Все Николаю сходит с рук.

Не потому, что он Николай, а потому, что угодник.

ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА

— ...Я вам, братцы, больше скажу: Земля — она круглая. И вертится, как колесо. И небо над ней — не твердь, а чистая атмосфера. Я вам еще больше скажу: человек не от Адама произошел.. Да, да, представьте себе: от нее он пошел, от обезьяны. Ну, потом уже всякий прогресс, эволюция видов... Земле все-таки не семь тысяч лет, а многие миллионы. Вот и живет человек, преобразуется. Ну, выдумывает всякие вещи. Например, бога выдумал. Не верите? Я вам больше скажу. Нет, братцы, его, бога-то! Нет — и все тут. И не было никогда, и никогда не будет. Одни выдумки этот бог... Но это, конечно, между нами говоря: я надеюсь, он нас не слышит...

ПОКАЯНИЕ

Возопил сатана: «Покарай мя, боже! Признаюсь — виноват, вел себя негоже. Я грешил, сколько мог, я не верил слепо. Покарай меня, бог, и возьми на небо!»

Отозвался святой Иоанн Предтеча: «Что вопишь, как чумной? Али делать неча? Ты смотри не дури — с нами шутки плохи. Ну, давай, говори. Только без подвоху!»

Говорит сатана: «Господин Креститель! (А по отчеству как — позабыл, простите!) Я нахал, я подлец и разбойник тоже! Но теперь — вот вам крест! — буду я хорошим!»

Иоанн загрустил: «Бедный ты, болезный! Видит бог, я б хотел быть тебе полезным! Разделяю сполна, сокрушен, растроган! Но пойми, сатана, все во власти бога!»

Возопил сатана, господу восславил. Отозвался ему сам апостол Павел: «Что вам нужно, мой друг? Говорите смело. Чем могу — помогу. Изложите дело».

Говорит сатана: «Господин апостол! Много я нагрешил, напроказил вдосталь. А теперь — мочи нет, так хотелось мне бы хоть на старости лет вознестись на небо!»

«Это все, дорогой? — просиял апостол. — Ну, тогда не беда, все решится просто. Кто из нас не грешит? Словом, вам помогут. Если бог разрешит: все во власти бога».

Возопил сатана, очи к небу поднял. Отозвался ему Николай Угодник: «Вам кого? Самого? Наш всевышний занят. Ничего, ничего, разберемся сами!»

Говорит сатана: «Господин Угодник! Я невежа, гордец, старый греховодник. Но теперь осознал, как все это скверно!» Сатана зарыдал: подкачали нервы.

Николай постоял, помолчал немного и сказал: «Бог простит, все во власти бога. Слезы лить ни к чему, это все излишне. В общем, быть по тому, как решит всевышний».

И вскричал сатана: «Ну и дьявол с вами! Не хотите пустить — проживем и сами! Тут не хватит и ног — обойти всю свору! Не так страшен сам бог, как его контора!»

ИЗ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛОВ РАСПЯТОМУ СПАСИТЕЛЮ

...А в остальном у нас, господи, все по-старому. Род приходит, и род уходит, и возвращается ветер на круги своя. Все алчущие, все жаждущие — все вопиют, и никто никого не слышит. Горе нам, господи, ибо не ведаем, что творим... У вас там наверху поспокойнее: никакой суеты сует, никакого томления духа... Благо тебе, Спаситель, что ты спасся вовремя...

А еще Иуда передает тебе свой поцелуй...

**ИЗ
НОВЕЙ-
ШЕГО
ЗАВЕ-
ТА...**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Большой праздник на небесах: сюда прибыли гости из преисподней. У центральных райских ворот гостей встречают

Отцы церкви

**ИОАНН
ЗЛАТОУСТ,
БЛАЖЕННЫЙ
АВГУСТИН,**

**БЕДА
ДОСТО-
ПОЧТЕННЫЙ;**

мать церкви
ДЕВА МАРИЯ;

церковные папы
**УРБАН
ВТОРОЙ
и
ИННОКЕНТИЙ
ТРЕТИЙ,**

а также другие официальные лица.

С минуты на минуту должен прибыть

**АПОСТОЛ
АНДРЕЙ.**

Он, как Первозванный, всегда задерживается.

**КЛАВДИЙ
НЕРОН**

— глава делегации —

представляет своих спутников — бесов. Объятия, целования.

— А мы вас у себя ждали... Что ж это вы?

Святые смущаются:

— Да так все... дела...

**СИМЕОН
СТОЛПНИК**

хватается за привычную тему:

— Да, дела... Я при жизни сорок лет на столпе просидел. Поверите, ни одной свободной минутки!

Симеона поддерживают:

**СВЯТОЙ
АНТОНИЙ
и
СВЯТОЙ
ДОМИНИК**

— первый отец монах —

— первый отец инквизитор.

**БЕС
АНТИПАПА**

предлагает сметать банчок.

— На что играем?

— Как всегда — на души.

Делаются первые ставки:

— **МИГЕЛЬ
СЕРВЕТ
— ГАЛИЛЕЙ!**

— великий испанский ученый!

— ЯН ГУС!
— ЖАННА Д'АРК!

Душ в банке все прибывает и прибывает. Рядом с душами праведников ложатся души грешников, рядом с душами христиан — души язычников.

АРИСТОТЕЛЬ
и
ДЕМОКРИТ

В числе язычников
} простые смертные,

ГЕЛИОС
ДАЖДЬБОГ
СВАРОГ

а также
} боги, бессмертие которых взято под
сомнение.

ПЕРУН

Исключение составляет

— языческий бог, сумевший вовремя
принять христианство.
Банк растет. Поступают все новые и
новые души:

— ГАМЛЕТ

— известный литературный герой!

— ФАУСТ

— известный литературный герой!

— РОБИНЗОН

— известный литературный герой!

— КВАЗИ-
МОДО

— известный литературный герой!

— ПРОТОПОП
АВВАКУМ

— известный старовер и раскольник!

БЕС КАЛЬВИН
и
АПСТОЛ
ВАРФОЛОМЕЙ,

промотав каждый свое, продолжают играть в складчину:

— Три гугенота и два католика!

— Один католик и два гугенота!

Возле стола вертится мелкий бес —

ФОН ПАПЕН:

— А почему вы ставите так помалу?

Одна-две души — слишком мелкая ставка по нынешним временам.

— Справедливо! — подхватывает отец инквизитор. — Ставлю тысячу и одну!

— Десять тысяч! — щедро бросает папа Урбан.

— Сто тысяч! — объявляет бес Антипапа.

— Сто тысяч и одна!

— Двести тысяч!

— Миллион!

— Миллион и одна!

— Триста миллионов!

— В банке живые души всей земли! — объявляет бес Нерон. — Банк стучит.

Папа Урбан Второй подмигнул бесу Кальвину. Бес Кальвин подмигнул отцу инквизитору. Отец инквизитор подмигнул бесу Нерону. Бес Нерон подмигнул папе Иннокентию. Папа Иннокентий подмигнул мелкому бесу фон Папену...

— Банк стучит! Слушайте, слушайте!

— Слушайте, как стучит банк!

СЛОВО

Вначале было слово.

(Библия)

Человек простой и неученый, всей душой хозяина любя, Пятница поверил в Робинзона. Робинзон уверовал в себя.

Он уверовал в свое начало и в свои особые права.

И — впервые Слово прозвучало. Робинзон произносил слова.

Первое — пока еще несмело, но смелей и тверже всякий раз. Потому что, став превыше дела, слово превращается в приказ. И оно становится законом, преступать который — смертный грех.

Ибо должен верить в Робинзона Пятница, туземный человек.

СОН НЕРОНА

И приснился Нерону вещий сон.

Будто сидит он, по обычаю, на своем престоле и пускает, по обычаю, кровь христианам. Вдруг один христианин подходит к нему и говорит:

— Кровушку пускаешь, император?

— Пускаю,— отвечает Нерон.— Ничего не поде-
лаешь, такая наша работа.

Христианин прищурился:

— А ведь я, между прочим, папа. А? Как ты на
это смотришь?

— Подумаешь, я и сам папа. Только что мне
папа, если я свою маму убил. Наплевать мне на
родственные отношения!

— Клавдий Цезарь Нерон Друз, ты меня не по-
нял,— сказал христианин.— Я папа совсем не в том
смысле. Не в родственном, а в духовном и, если
хочешь, в социально-политическом. Меня зовут Ур-
бан Второй.

— Не слышал,— пожал плечами Нерон.

— Ты не мог обо мне слышать, ведь между нами больше тысячи лет. Мое время придет, когда твое давно кончится.

Нерон был задет бестактностью собеседника.

— Посмотрим, чье время кончится раньше,— кивнул он в сторону палачей, которые скучали, лениво прислушиваясь к разговору.— Но пока суд да дело... впрочем, суда не будет,— тут же поправился он,— расскажи мне, что значит папа и что значит Урбан.

Папа Урбан взошел на эшафот: он привык говорить с возвышения.

— Папа,— сказал он,— это наместник бога на земле, его первый друг и единомышленник. Папа хочет того, что хочет бог, а бог,— Урбан сделал ударение на этих словах,— хочет того, чего хочет папа. Всякий, кто хочет иного, подлежит истреблению.

— Очень любопытно,— заинтересовался Нерон,— я сам не люблю тех, кто не согласен с моим мнением. Продолжай, пожалуйста.

— Главное, чтобы люди верили в бога,— продолжал папа Урбан.— Если они верят в бога, значит, они верят в меня, а если они верят в меня, то управлять ими не представляет трудности.

— Да, конечно,— согласился Нерон.— Ну, а если они все-таки не верят — как ты поступаешь в таком случае?

Папа Урбан сошел с эшафота. Он приблизился к Нерону и тихо сказал:

— Крестовые походы.

— Что?

— Крестовые походы. Но раз ты не знаешь меня, значит, ты не знаешь, что я тот самый папа,

который первый ввел крестовые походы. Мое войско прошло много стран и покорило много народов. Христианская церковь стала самой крупной империей.

— Ты подумай! — восхитился Нерон. — А внутри страны? Как ты поступаешь с неверующими внутри страны?

Папа Урбан изменился в лице. Он настолько изменился в лице, как будто это был совсем другой человек.

Нерон нахмурился.

— Кто ты такой? — строго спросил он.

— Я папа, — ответил этот человек. — Папа Иннокентий Третий. Я появлюсь через тысячу двести лет после вас.

— Папа — это уже хорошо, — просиял Нерон. — Я тут как раз говорил с одним папой, и он не успел мне ответить...

И Нерон повторил Иннокентию вопрос, на который не успел получить ответа.

— С неверующими? — сказал папа Иннокентий. — Мы называем их еретиками. С твоего позволения, — представился он, — я именно тот папа, который организовал инквизицию.

— А это еще что?

— Долго объяснять. Но все сводится к этому, — Иннокентий показал на эшафот.

— Понятно, — расхохотался Нерон. — Значит, всех, кто не верит... Ловко же это у тебя получается! Вот бы мне такого генерала!

Иннокентий Третий преобразился. Перед Нероном стоял незнакомый человек в форме генерала.

— Ты тоже папа? — спросил император, на сей раз не удивившись превращению.

— Смею доложить, не папа, а Папен. Фон Папен,— по-военному отрапортовал генерал.— Но с папой мы были в контакте. При его поддержке мы привели к власти Гитлера.

— Кто такой Гитлер?

— Вы не знаете Гитлера?! — воскликнул фон Папен.— Ну, конечно, ведь он будет через две тысячи лет. О, Гитлер! Он зальет кровью весь земной шар (в наше время уже не будут бояться называть Землю шаром), перед ним содрогнутся все нероны настоящего, прошлого и будущего.

Нерон содрогнулся. Потом сказал палачам:

— Не троньте этого христианина. Это наш человек. Освободите его и уведите... подальше... подальше от эшафота!

ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Был большой диспут между книжниками и фарисеями.

Приглашенный на него в качестве гостя Иоанн Златоуст внимательно слушал, но больше смотрел, ибо диспут был по преимуществу рукотворный. Потом ему захотелось вмешаться.

«Блаженны миротворцы!» — подбодрил он себя словами Иисуса Христа и сказал словами Луки-апостола:

— Братья, вы не ведаете, что творите!

Братья молча диспутировали. Каждый считал, что он ведаёт.

— Ныне отпускаеши! — сказал Иоанн словами того же Луки.

Никто никого не отпускал. Диспут продолжался.

Тогда, махнув рукой на Луку, Иоанн сказал словами апостола Матфея:

— Братья, не мечите бисера перед свиньями!
И сразу все успокоились.

— Золотые слова! — сказали книжники и с презрением посмотрели на фарисеев.

— Золотые слова! — сказали фарисеи и с презрением посмотрели на книжников.

Иоанн сел на место, отирая золотые уста.

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Бог солнца, могучий Гелиос, боролся за место под солнцем.

— Эллины! — кричал он громче других. — Во славу нового бога нашего — крестись!

И Гелиос первым бросился в воду.

Старый, опытный бог, он, как никто, умел бороться. Когда другим еще было по щиколотку, ему уже было по пояс, когда другим было по пояс, ему было по шею, а когда другим было по шею...

— Эллины! Во славу нового господина... аминь!

Борясь за место под солнцем, древний греческий бог утонул во время крещения...

ПЕРУН

Служил Перун Сварогу, служил Перун Даждь-богу, а теперь он служит Иисусу Христу.

— Если вы в меня верите,— говорит он рядовым христианам,— зовите меня Ильей. Это как-то больше по-христиански.

— Илья! — зовут христиане.— Илья Пророк!

Гремит в небесах новый Илья — старый Перун, гремит, как гремел и при Свароге, и при Даждь-боге. Только прежде он язычников охранял, а теперь он поражает язычников.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

Лета 430 от рождества Христова Блаженный Августин достиг высшего блаженства: наскоро простившись со своими учениками и послушниками, сей отец церкви отправился к праотцам.

Праотцы слонялись по небу и судачили о земных делах.

— Послушайте, где я могу видеть бога?

— Бога нет,— пожали плечами праотцы.

Святой отец насторожился:

— Кто сказал, что бога нет?

Праотцы покосились на него и замолчали.

— Ну что, так и будем молчать?

Праотцы молчали в знак согласия.

— Видишь, милый, какое дело,— заговорил старенький праотец.— Бог-то у нас вездесущий, ему всюду надо поспеть. Вот и мотается по всему свету.

— Мотается? Ну, это другой разговор...— Августин огляделся вокруг.— Значит, вы здесь живете? Так, так... Прямо на открытом небе?

— Прямо на нем, милый, прямо на нем...

— Вы что ж, не слышали моей последней поведи?

— Не слышали, милый, не слышали. До нас все поздно доходит.

— Я говорил в ней о строительстве в воздухе. О том, что, что б мы ни делали на земле, для полного счастья нужно строить воздушные замки.

— Что верно, то верно,— закивали вразнобой праотцы.

— Ага, значит, вы согласны? Тогда чего же нам больше ждать? Ну-ка, берись за работу!

И закипела на небе работа. Небожители больше не судачили о земных делах — не до того было. Чуть свет они продирали глаза и — принимались за дело. Трудились охотно, строительство шло вовсю, хотя замков не прибавлялось: ведь они строились из воздуха. Но все вели себя так, будто замки были, повторяя вслед за Августином его знаменитую, принесенную с земли фразу:

— Верю, ибо это нелепо!

Отец Августин, который тоже стал уже праотцом, руководил строительными работами. Одно только смущало его: а вдруг появится бог? Как он отнесется к строительству в воздухе?

Но время шло, бог не появлялся, и Августин понял, что его нет. Нет вовсе, нет нигде: ни на земле, ни на небе. Однако, чтобы не мешать своей братии строить воздушные замки, Августин держал эту мысль про себя, а вслух продолжал твердить, что бог мотается по свету.

— Верю,— говорил он,— ибо это нелепо.

И братия верила вслед за ним. Ибо это поистине было нелепо.

КИТЫ

— Земля держится на трех китах!

Три кита были с этим вполне согласны.

Понимая серьезность своего положения, они лежали рядком и молчали, как рыбы, хотя по всем статьям относились к отряду млекопитающих.

— Ответственная работа,— молчал один кит.— И главное — никуда не уйдешь от ответственности...

— Что делать?— молчал второй кит.— На нас ведь все держится.

А третий кит молчал по известной формуле Архимеда:

— Дали б мне точку опоры. Уж я б это дело перевернул!

Так подумал третий кит и вдруг ощутил под собой точку опоры.

— Не понимаю,— продолжал он молчать.— Не понимаю, при чем здесь три кита? Земля держится на одном, это же каждому ясно!

И, чувствуя, что он именно тот кит, на котором держится земля, третий кит стал оттирать боками своих товарищей.

Два кита молча сопротивлялись.

Они так упорно сопротивлялись, что в конце концов пошли на дно, потянув за собой третьего кита. Пошли на дно, совершенно забыв, что на них держится Земля.

А Земля осталась. Потому что, как теперь стало известно, не Земля держится на китах, а киты держатся на Земле.

Если, конечно, умеют держаться.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Аристотелю повезло: он причислен к святому лику. Каждый шаг его, каждый слог — откровение, поелику христианству они не во зло, а, напротив, в его защиту...

Аристотелю повезло больше, нежели Демокриту.

Аристотелю повезло: церковь хвалит его сочинения. Его мнение в силу вошло, уничтожило все сомнения, и его, как начало начал, зазубрили зубры науки:

— Аристотель учил...

— Аристотель сказал...

— Ты возьми Аристотеля в руки...

«Пишет», «учит», «гласит», «говорит», «утверждает в своей работе»...

Жив непризнанный Демокрит.

Умер признанный Аристотель.

МОНАСТЫРЬ

Пришел Беда — отворяй ворота.

Отец церкви достопочтенный Беда пришел в монастырь со своим уставом.

А в монастыре том страшные дела творились. Монахи жали, где не сеяли, подводили друг друга под монастырь и вообще не ведали, что творили.

Но пришел Беда — отворяй ворота.

— Которые тут грешники? — осведомился святой отец. — Вот ты, брат Иоанн, скажи!

Иван кивнул на Петра.

— Хорошо, — согласился Беда. — Послушаем, что брат Петр скажет.

Петр кивнул на Степана.

И ведь подумать только: грешили так, что как только монастырь выдержал, а тут никто не хочет брать на себя греха!

Но святой отец был тоже не промах. Вытащил он свой устав, полистал.

— Братия, — говорит, — кто из вас без греха, первый брось в меня камень!

Пришел Беда — отворяй ворота. От монастыря не осталось камня на камне.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Не стало бесам житья: отовсюду их изгоняют. Только вселится бес в человека, а тут уже целая куча праведников:

— Чур тебя, нечистая сила! Изыди!

Изошли бесы кто в чем стоял и удалились в изгнание.

Бредут они по грешной земле, на судьбу свою плачутся.

— Совести у них нет,— плачется Бес Совестьный.

— Черствые сердца,— плачется Бес Сердечный.

И вдруг чуют бесы — идет им навстречу праведник. В темноте не видать, но у бесов на это особое чутье.

— Наше вам почтение! — поклонился Бес Церемонный.— Позволено будет спросить, откуда путь держите?

— Из города.

— А что вы делали в городе, позволено будет спросить?

— Изгонял бесов,— говорит праведник.

Притихли бесы, опустили глаза, чтобы в темноте не так блестели.

— А это хорошее дело — бесов изгонять? — осторожно спросил Бес Совестьный.

— Видно, хорошее, если за него деньги платят,— сказал праведник и пошел своей дорогой.

Призадумались бесы: вот ведь как устроился человек. Кого-то там погонял — и деньги в кармане. И сердце у него не болит, и совесть его не мучит...

— Я бы так, наверно, не смог,— вздохнул Бес Церемонный.

Бесы отводили глаза и старались не смотреть друг на друга.

— Платят, видно, на совесть,— между прочим сказал Бес Совестьный.— А работа ничего. Чистая работа.

Бес Сердечный молчал. Он долго молчал, а когда заговорил, то сразу высказал общее мнение:

— Хватит! Айда в город, бесов гонять!

По дороге запаслись одежкой, чтоб принять человеческий вид, подзубрили кой-какие молитвы. И — закипела работа!

Поначалу было трудно: известно, дело непривычное. Но потом изловчились, во вкус вошли. Иного беса можно б и не изгонять, а они и того изгоняют.

— Нечего с ними церемониться! — говорит Бес Церемонный.

— У нас работа на совесть! — заявляет Бес Совестьный.

А Бес Сердечный только сплюнет в сердцах да еще на руки поплюет для надежности.

Раздобрили бесы, остригли хвосты, животы отпустили — такие тебе стали праведники!

— Чур тебя! — говорят.— Изыди, нечистая сила!

Раз, два сказал — и деньги в кармане, так почему б не сказать?

Любит нечистая сила чистую работу!

СВЯТОЙ ДОМИНИК

Окончив земные дела, святой Доминик отправился к богу.

— Ну, что там у нас? — встретил его господь бог. — Я, понимаешь, оторвался от земли: руки не доходят.

— Слава богу! — сказал Доминик. — Святая инквизиция не дремлет.

— Слава богу! — согласился господь.

— У нас теперь порядок, — докладывал Доминик. — Чуть что — и готово!

— Готово? Это хорошо. Ну, а как нравится тебе у нас, на небе?

Доминик промолчал.

— Говори, говори, не стесняйся!

— Разрешите донести, — стесняясь, заговорил Доминик. — Тут я встретил одного... уж очень какой-то веселый...

— Веселый? Ну, это не беда! Они у меня все пьяны от счастья.

— Разрешите донести, этот был не от счастья. Он на меня дохнул. Ох, я знаю, чем это пахнет!

Господь насторожился:

— Действительно!.. Мало ли что... Я, понимаешь, оторвался от неба...

— На все воля божья,— напомнил ему Доминик.— Прикажи, господи!

И господь приказал.

Тихо-тихо стало на небе. Приумолкли силы небесные, и одно только слышалось тут и там:

— Разрешите донести...

— Разрешите донести...

— Разрешите донести...

— Вот теперь у нас полный порядок! — потирал руки святой Доминик.— Слава богу!

— Слава богу! — эхом вторили силы небесные.

— Слава богу! — повторял в свою очередь господь бог.

И попробовал бы он не повторить! Интересно, как бы он тогда выглядел!

ПРАЗДНИК НА УЛИЦЕ ВАРФОЛОМЕЯ

В жизни каждого Варфоломея есть своя Варфоломеевская ночь. Была такая ночь и у святого Варфоломея.

Она пришла с большим опозданием, где-то в середине средних веков, когда о самом апостоле уже почти забыли. Но он не унывал, он знал, что и на его улице будет когда-нибудь праздник.

И вот наконец...

Варфоломей побрился, надел свой лучший костюм, доставшийся ему в наследство от распятого учителя, и вышел на улицу.

На улице была ночь. Варфоломеевская ночь.

— Спасибо, родные, порадовали старика,— бормотал апостол, глядя, как братья во Христе уничтожают друг друга,— господь не забудет ваше святое дело!

Варфоломей прослезился. Потом выпрямился и крикнул громко, впервые за всю свою безответную жизнь:

— Так их! Истинно так! А теперь — этих!

К нему подошли двое.

— Именем Варфоломея! — сказали они и взяли святого за шиворот...

Была ночь. Варфоломеевская ночь. Варфоломеевская ночь, но уже без Варфоломея.

ПАМЯТНИК МИГЕЛЮ СЕРВЕТУ

Кальвин сжег Мигеля Сервета. Кальвинисты воздвигли ему памятник.

— Вот здесь,— говорили кальвинисты,— на этом самом месте, безвременно сгорел великий Сервет. Как жаль, что он не дожил до своего памятника! Если б он так безвременно не сгорел, он бы сейчас порадовался вместе с нами!

— Но,— говорили кальвинисты,— но он недаром сгорел. Да, да, друзья, великий Сервет сгорел не напрасно! Ведь если б он здесь не сгорел, откуда б мы знали, где ему ставить памятник?

ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА

— Отец, от тебя осталась только тень!

Тень отца Гамлета кивнула в знак согласия.

— А ведь еще недавно ты был человек... И какой человек! Одного твоего слова было достаточно, чтобы привести в движение целое королевство!

Тень махнула рукой: ей не хотелось предаваться воспоминаниям.

— Все это как-то странно: живет человек — и вдруг... Может, лучше не жить, может, лучше закончить сразу?

Вокруг тишина, и в этой тишине повис последний вопрос:

— Отец, быть или не быть?

Часы пробили половину первого. Прошло еще полчаса — полчаса жизни одного и полчаса смерти другого...

— Будь, Гамлет, будь... Но только старайся дер-

жаться в тени... Если не будешь в тени, то сам станешь тенью... Это я говорю тебе, как тень твоего отца.

— Ты говоришь, как тень. А что бы сказал отец?

Слабая тень улыбки, тень вдоха и еле слышные тени слов:

— Отец?.. О, отец!.. Он бы, конечно, сказал другое...

ДОКТОР ФАУСТ

Доктор Фауст все же нашел средство, как сохранить свою молодость. Он ходил по знакомым, и все они восклицали:

— Ах, доктор, вы чудесно выглядите!

Фауст смущенно улыбался:

— Это уже не то. Посмотрели бы вы, как я выглядел сорок лет назад!

И все было очень хорошо.

Однажды Фауст пришел к своему старому приятелю Мефистофелю, с которым они в молодости занимались кое-какими делами. Мефистофель уже давно отошел от дел и на досуге устраивал соседям мелкие неприятности.

— Как жизнь, старина? — приветствовал его Фауст.

— Слава богу! — сказал Мефистофель. — А у вас что слышно? Есть новенькие изобретения?

Фауст махнул рукой.

— Я давно бросил это дело. Знаете, уходит много времени, а я не хочу, чтобы время уходило.

— Все корпите над своими книгами? Ну, и что хорошего вы в них вычитали?

— Я теперь не читаю книг,— сказал Фауст.— На это уходит много времени.

— Так-так... Ну, а Маргарита как поживает? Все еще встречаетесь с ней?

— Э, где там! Бросил. Жалко времени.

— Так какого же дьявола вы живете?!

Фауст сел и стал думать, зачем он живет. Он опустил голову, согнул плечи и тяжело дышал. Потом встал и побрел домой, а Мефистофель смотрел ему вслед и дьявольски улыбался.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Были когда-то мудрые люди — алхимики. Свои досуги они посвящали тому, что искали философский камень — камень, способный все что хочешь превращать в золото. Считалось, что это превращение может сделать счастливыми всех людей.

Сидел однажды такой алхимик на берегу и философски перебирал камни. Подходит к нему купец.

— Что делаешь, добрый человек?

Алхимик объяснил.

— Ничего,— говорит купец,— стоящее занятие. Только средство такое найдено давным-давно. Вот погоди, я разгрузю свой корабль.

Разгрузил купец корабль. Весь берег завалил товаром.

— Ну, гляди: сейчас я это превращу в золото.

А тут и народ подвалил. Ходит, присматривается к товару.

Достал купец из кучи мешок гвоздей, спрашивает алхимика:

— Это что?

— Гвозди.

— А теперь?

Махнул рукой в сторону одного покупателя — и сразу в руке вместо гвоздей золотая монета.

Алхимик только глаза открыл.

Взял купец бочонок вина.

— Это что?

— Вино.

— А теперь?

И опять у него в руке золото. Чудеса, да и только!

Алхимик смотрел на эти чудеса и философски перебирал камни. «Ишь ты! — соображал он. — Тут стараешься, изводишь себя, а оно — вон что! Со всем простая философия...»

КВАЗИМОДО

Сколько стоит душа? Ни гроша. На нее не придумана мода. И живет на земле, не греша, золотая душа — Квазимодо.

Он живет, неприметен и сер, в этом мире комфорта и лоска, в этом веке, где каждый нерв обнажен, как Венера Милосская.

Недоросток, уродец, горбун, Красоты молчаливый свидетель, тащит он на своем горбу непосильную ей добродетель.

АНТИПАПА

Жил-был антиквар. Он такого насмотрелся в своих древностях, что ему стало тошно жить на свете. И тогда он махнул на все рукой, написал завещание и отправился в антимир.

В те далекие времена антимир находился на седьмом небе, но это мало радовало его обитателей.

— Ох,— тихомолком вздыхали они.— Ох, ох, ох!

Зато правил антимиром неунывающий человек — король Антиох.

События происходили в 9341 году — 1439 году по земному летоисчислению. Как вы помните, в этом году Базельский собор, недовольный правлением папы Евгения Четвертого, выдвинул в пику ему своего антипапу. Но так как для антипапы, по мнению некоторых, больше подходил антимир, то его в скорости туда и переселили.

Вот так они все и встретились — антипапа, антиквар и король Антиох, веселый правитель антимира.

— Ну, что у вас новенького? — спросил Антиох.

— Хорошего мало,— покачал головой антиквар.— Говорят, прикончили Цезаря. (Цезаря прикончили давным-давно, но для любителя древностей это было самым новым событием.) Ох, что творится!

— Как вы сказали?

— Я говорю, прикончили Цезаря.

— Да нет, что вы сказали потом?

— Я говорю — ох...

— Ай-ай-ай! — воскликнул Антиох.— Такое говорить! Вы забываете, что вы на седьмом небе.

— Извините, просто сорвалось.

— Вот так у всех срывается. Дворник Антип, моя правая рука, уж на что верный человек, а и тот порой не удержится. Недавно мы с ним охотились на антилоп...— Антиох рассмеялся.— Вот, я вам скажу, была потеха! Клянусь антихристом, мне никогда не было так весело!

— А как у вас с антихристом? — включился в разговор антипапа.— Верят? Не сомневаются?

— Сомневаться у нас нельзя: мы же на седьмом небе. А насчет того, чтобы верить... этого тоже нет.

— Нехорошо. Ох, нехорошо!

— Не говорите «ох», — попросил Антиох.

— Ладно, не буду. Но другие будут. Вот увидите, будут. Там, где забыли антихриста, всего можно ждать. Если б моя воля...

— Воля ваша, — немедленно согласился Антиох.— Ваша воля, только не говорите этого... и другие пусть не говорят. Мы все-таки на седьмом небе...

— Слава антихристу! — сказал антипапа и стал выполнять свою волю.

Прежде всего он решил ознакомиться с обстановкой, поскольку антимир был для него новой областью. Для этого он призвал к себе местного человека Антипа.

— Слушай, дворник, ты здесь крутишься при дворе. Посвяти меня в дела антимирские.

— Наше дело десятое,— отмахнулся Антип.

— Не гневи антихриста, дворник. Объясни толком, как и что.

— Наше дело десятое...

Прогнал его антипапа и призвал антиквара, человека ученого.

— Ты, антиквар, ученый человек, а мы, ты знаешь, университетов не кончали. Покопайся там в своих книгах, вычитай — что оно такое: антимир?

Легко сказать — покопайся. В книгах слова такого нет, и неизвестно, когда еще будет. Но антиквар не стал возражать. Пошел, стал копаться.

Антипапа между тем не терял времени. Выпросил у короля престол, сел на него и задумался.

«Антимир...— размышлял он.— Ан-тимир... антимир... Ага... Мир — это мир, а анти... Есть! Надоумил антихрист! Антимир — значит война! Война! Война! Война во славу антихриста!»

— Война? — помрачнел Антиох.— Ох, что ж это будет?

— Не говорите «ох»! — одернул его антипапа.— Вы что, забыли, где вы находитесь?

— На седьмом небе,— спохватился король.— Ох!.. простите, я хотел не ох... Ох, я совсем запутался...

— Выпутывайтесь сами,— сказал антипапа,— а я иду объявлять войну. Некогда разводить антимонии.

И он объявил войну, которая вошла в историю под названием Антихристовых походов. Одни умирали за антихриста, другие умирали против него, но все умирали совершенно одинаково, и последним словом каждого было привычное слово «ох».

— Не говорите «ох»,— наставлял умирающих антипапа, но они все равно говорили.

В конце концов на седьмом небе остался только сам антипапа, король Антиох, который все еще не мог выпутаться, закопавшийся в древние книги ученый антиквар и дворник Антип, для которого война была дело десятое. Но из них только антипапа чувствовал себя на седьмом небе.

— Что-то я в последнее время мало радуюсь,— корил себя король Антиох.— Я сам себе становлюсь антипатичным.

— Оно, конечно, дело десятое,— раздумывал дворник Антип,— но, с другой стороны, если разобраться...

А антиквар сидел в своих книгах, сидел да вдруг как выскочит!

— Докопался! — кричит.— Я уже докопался!

— Докопались без тебя,— осадил его антипапа.— Сподобил Антихрист, вразумил. Антимир — значит война, поскольку мир — это мир, а анти — это анти...

Но антиквар продолжал кричать:

— Да нет же, антимир — это не война! Здесь мир совсем в другом смысле. Мир — земля, антимир — небо! Мы ведь на небе!

— На седьмом небе! — уточнил король Антиох.

— Что ж ты раньше не сказал? — просиял антипапа и потрепал антиквара по плечу.— Чудак человек, надо было сказать раньше!

— А мы тут воюем,— сообщил невоевавший дворник Антип.— Столько народу перебили! Мое, конечно, дело десятое...

— Блаженны павшие во славу Антихриста,— сказал антипапа и воздел очи горе.— Они теперь там, на восьмом небе!

И было так приятно чувствовать себя в антимире, который вовсе не означает войну, а означает совсем, совсем другое, что все облегченно вздохнули:

— Ох!

Но тут же зажали рты и радостно улыбнулись.

ТРИ МОНАХА

Три нищих монаха входили в богатый город.

— Сейчас посмотрим, крепка ли вера у здешних жителей,— сказал один монах.— Вы пока помаленьку устраивайтесь, а я пойду поговорю с населением.

Вышел монах на базарную площадь, где обычно собирался народ, и возгласил:

— Братия, я пришел, чтобы научить вас надевать штаны через голову!

Вера у жителей была крепка:

— Слава тебе, господи!

— Справедливая мысль!

— И как мы сами до этого не додумались?!

Монаха щедро вознаградили, и жители города стали осваивать новый метод.

Нелегкое это дело — надевать штаны через голову, да и получается как-то не так... Но жители не видели, как оно получается, потому что глаза у всех были закрыты штанами.

Прошло несколько времени, и решил второй монах посмотреть, крепка ли вера у жителей города.

Вышел он на базарную площадь и возгласил:

— Братия, я думаю, что, надевая штаны через голову, не следует забывать о ногах!

Вера у жителей была крепка:

— Слава тебе, господи!

— Справедливая мысль!

— И как мы сами до этого не додумались?

Ну, это уж и вовсе трудно — надевать штаны сразу и на ноги, и на голову. Жители города забросили все дела и с утра до вечера только и знали, что возились со своими штанами.

А монах вернулся к товарищам — он свое получил.

Прошло еще несколько времени, и говорит третий монах:

— Пора и мне посмотреть, крепка ли вера у здешних жителей.

Сказал — и туда же, на базарную площадь.

— Братия, я знаю, как надевать штаны!

Вера у жителей была крепка по-прежнему:

— Как?

— Как?

— Расскажи!

— Научи!

— Посоветуй!

— Слушайте, братия, — сказал третий монах. — У кого голова на плечах, тот не станет тянуть штаны через голову, а будет надевать их прямо на ноги.

Переглянулись жители — у всех вроде голова на плечах. Как же это так получилось?

И тут каждый вспомнил, какие муки пришлось ему пережить, надевая штаны через голову.

— Слава тебе, господи!

— Справедливая мысль!

— И как мы сами до этого не додумались?

Наградили монаха, и уж хотели надевать штаны по старому доброму методу, да только в городе не нашлось штанов.

...Три богатых монаха уходили из нищего города...

СИМЕОН СТОЛПНИК

— Эй, дядька Семен, ты чего залез на столб?
Молчит Семен. Не отвечает.

— Слазь, тебе говорят! В недобрый час свалишься!

Не слазит Семен. Оно, конечно, место неудобное, на нем не рассидишься, так ведь зато высокое место. С какой стороны ни глянь, отовсюду видно Семена.

Когда человек наверху, к нему относятся с уважением. Сошлись соседи, удивляются:

— Ишь ты, как низко был человек — и куда забрался!

Стали Семена Симеоном звать. От лишней буквы язык не отвалится.

— Симеон,— говорят,— научи, как жить. Тебе там сверху виднее.

Учит Семен, а у самого душа в пятках: а ну как сорвешься со столба?

— Святой Симеон, помоги, протяни руку помощи!

Как же, ждите, протянет он вам, когда у него обе руки заняты. Сидит Семен, вцепился в столб, держится за свое место.

Говорят, сорок лет так просидел. А толку-то что? Лучше б по земле ходил — глядишь, протоптал бы какую тропинку...

ОТРЕЧЕНИЕ ГАЛИЛЕЯ

— Между нами говоря, дорогой Галилей, я и сам думаю, что она вертится.— Отец инквизитор покрутил пальцем, показывая, как вертится Земля.— Но одно дело — думаю, а другое дело — говорю. Вы ученый человек, неужели вы до сих пор не поняли разницы?

— Нет, я понял,— сказал Галилей,— и именно поэтому я говорю, а не только думаю.

— В таком случае говорите так, чтобы вас никто не слышал. А то ведь — я не хочу вас пугать — у вас могут произойти неприятности... Помните Джордано Бруно.

Галилей вспомнил.

«Я уже стар,— подумал он,— и у меня впереди большая работа. Это очень важная работа, и не хочется умереть, не закончив ее...»

Святая церковь пышно праздновала отречение Галилея. Рекой лилось вино, приготовленное из крови спасителя. А когда был провозглашен тост за дружбу науки и религии, отец инквизитор подмигнул Галилею и шепнул:

— А все-таки она вертится!

ПРОСТАЯ СТАРУШКА

Старушка подошла к костру, на котором сгорал Ян Гус, и сунула в него вязанку хвороста.

— О святая простота! — воскликнул Ян Гус.

Старушка была растрогана.

— Спасибо на добром слове, — сказала она и сунула в костер еще вязанку.

Ян Гус молчал. Старушка стояла в ожидании. Потом она спросила:

— Что ж ты молчишь? Почему не скажешь: «О святая простота»?

Ян Гус поднял глаза. Перед ним стояла старушка. Простая старушка.

Не просто простая старушка, а старушка, гордая своей простотой.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

— Помоги, господи Исусе!

Перед патриархами всяя Руси стоял маленький протопоп. Он смело смотрел им в глаза и говорил:

— Помоги, господи Исусе!

— Не «Исусе», а «Иисусе»,— поправляли его.— Хоть буква эта давно умерла, но в делах веры сильна именно мертвая буква.

— Господи Исусе!— не сдавался протопоп.— На чем стояли, на том и будем стоять!

Вот в этом-то Аввакум и ошибся. Очень скоро он стоял уже совсем в другом месте, на холодной сибирской земле. Потом, гонимый верою, а пуще церковной властью, он пошел— из острога в острог, сам не зная кому неся свою правду.

— Помоги, господи Исусе!

...В мире много пылало костров. Джордано Бруно сгорал за науку, за свободу сгорал Ян Гус. А упрямый мученик протопоп Аввакум сгорел за мертвую букву...

ЖАННА Д'АРК

— Дева Жанна причисляется к лику святых! Какие будут вопросы? Святой Антоний, вы что-то хотите спросить?

— Я хочу спросить, как дева Жанна умерщвляла свою плоть?— сказал тощий святой Антоний.— И была ли она верна монашескому обету?

— Святой Антоний, дева Жанна не была монашкой.

— Значит ли это, что она кого-нибудь родила?— спросила дева Мария.

— Святая Мария, вы забываете, что Жанна— дева.

— Ну и что? Я тоже дева.

— Святая Мария, не все такие девы, как вы.

— У меня два вопроса,— сказал Андрей Первозванный.— Во-первых, призывал ли деву Жанну наш учитель Иисус Христос, и, во-вторых, если призывал, то в какую очередь?

— Святой Андрей, девы Жанны не было среди учеников Христа, она родилась значительно позже.

— Больше вопросов не имею. Я только к тому, что есть и такие, которых призывал наш учитель, и далеко не в последнюю очередь,— сказал Андрей Первозванный и с достоинством сел на место.

— Братья святые, я попрошу говорить по существу, а не только о собственных подвигах. Какие еще вопросы? Пожалуйста, святой Симеон!

— Значит, так...— Симеон заглянул в бумажку.— Прежде всего насчет грехов — имеются в виду взыскания.

— Взыскание у девы Жанны одно: ее сожгли на костре.

— Понятно...— Святой Симеон сел и стал думать над следующим вопросом.

— В порядке справки: кто ее сжигал? — бросил с места Иоанн Златоуст.

— Мы сжигали, кому же еще? Святая церковь.

— У меня тут еще...— поднялся Симеон со своей бумажкой.— За какие грехи — имеются в виду нарушения? И по какому поводу — имеются в виду мотивы?

— Мотив один: дева Жанна защищала родину.

По рядам прошел осуждающий ропот.

— Спокойно, спокойно, я еще не все сказал! После того как деву Жанну сожгли на костре, она вот уже пятьсот лет ни во что не вмешивается и ведет тихий, праведный образ жизни.

Осуждающий ропот перешел в ропот одобряющий.

— Вот за это дева Жанна причисляется к лику святых.

ИЕЗУИТЫ

Горят костры, костры горят — Христа распятого наследство. Иезуиты говорят, что цель оправдывает средства. Что, если ты наточишь нож для высшей цели, значит, прав ты. Что на земле святая ложь куда надежней грешной правды... Пусть сгинут все до одного, пусть станет прахом все земное!..

Ложь во спасенье... Но кого? Кого спасти такой ценою?

ТЯСУНЫ

Надоело богу карать трясунов и созвал он их, чтобы явить свою милость.

— Что, испугались? Ну ладно, я пошутил. Это чтоб вам не повадно.

Стоят трясуны, трясутся.

— Да вы что, шуток не понимаете? Слышите? Вменяю вам не трястись! Не слышите? Вменяю вам слышать!

Не слышат трясуны, трясутся. Попробуй им вменить, когда они невменяемые...

СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ

— Иегова против Сатаны! Иегова против Сатаны! Приглашаем свидетелей!

Свидетели не идут. С Сатаной у бога свои дела, но при них обычно никто не присутствует.

— Тем, кто будет свидетельствовать в пользу Иеговы, обещается: живым — вечная жизнь, мертвым — воскрешение и далее то, что живым. Тем, кто не будет свидетельствовать, обещается смерть и все, что с нею связано.

Весьма существенное разъяснение. Публика зашевелилась. («Послушай, я, правда, ничего не видел, но если я скажу, что видел... а? Как ты думаешь?» «Я тоже не видел, но — один черт!»)

Один черт подходит к столу обвинителя.

— Я буду свидетелем,— говорит черт.— Какие нужны показания?

За первым чертом подходит второй, потом дьявол — и вот уже у стола выстраивается длинная очередь.

— Что нужно показывать?

— На кого?

— Мы готовы — вы только скажите!

Последним подходит Сатана, соблазненный перспективами вечной жизни.

— Эх, была не была! Давайте и я покажу!

Иегова колеблется: Сатана против Сатаны? Это как-то не того... неудобно... А впрочем, не беда! Лишний свидетель не помешает!

— Иегова против Сатаны! Иегова против Сатаны!

— Я против Сатаны? Да что вы, я против него ничего не имею!

— Ах, да, Сатана — свидетель Иеговы. Пойдите, а кто же тогда обвиняемый?

— Придется поискать. Может, вон та ведьма?

— Я свидетельница! — быстро отзывается ведьма.

— Ну, тогда бесенок...

— Я свидетель! — заявляет бесенок.

— Вон там еще человек, — подсказывает Сатана.

— Эй, человек! Ты свидетель или не свидетель?

— Да нет, что вы, я честный человек.

— Ага, значит, тем более. Итак, продолжаем процесс: Иегова против человека!

СОДЕРЖАНИЕ

1. ДРЕВНЕЙШЕЕ...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	5
ПИТЕКАНТРОПЫ	10
УЛЫБКА ИДОЛА	11
ХАЛДЕИ	12
ПИРАМИДА ХЕОПСА	14
АВГИЕВЫ КОНЮШНИ	15
ЛАОКООН	16
ПИГМАЛИОН	18
ОЛИМПИЙСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ	20
СИЗИФ	22
ЯБЛОКО РАЗДОРА	24
СУД ПАРИСА	25
МИРМИДОНЯНЕ	26
ДАМОКЛОВ МЕЧ	27
СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА	28
ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ	29
МИДАСОВ СУД	31
ПЛАТОН	32

РАЗДОР БЕЗ ЯБЛОКА	33
БОЖЕСКИЙ РАЗГОВОР	34
ПАН	35
ЗЕВС И ДЕДАЛ	36
ДЕДАЛ И ИКАР	39
СОКРАТ	40
НАРЦИСС	41
ЛАБИРИНТ	43
АХИЛЛЕСОВА ПЯТА	45
ТАНТАЛОВЫ МУКИ	46
VAE VICTIS	47
АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ	48

2. ВЕТХОЗАВЕТНОЕ...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	51
СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	57
ДВОЕ В РАЮ	58
РЕБРО АДАМА	60
ДРЕВО ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА	61
ДРЕВО ЖИЗНИ	63
КАИН	64
КАИНОВА ПЕЧАЛЬ	65
МАФУСАИЛ	66
НЕБЕСНОЕ ВОСПИТАНИЕ	67
НОЙ	68
ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ	70
СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ	72
ВТОРОЗАКОНИЕ	74
КАРА ГОСПОДНЯ	75
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	76
ЖЕРТВЕННАЯ ТЕЛИЦА	77
ОСЛИНАЯ ЧЕЛЮСТЬ	79
ЛИСИЦЫ САМСОНА	80
ВАЛААМОВА ОСЛИЦА	81

СТАДО МОИСЕЕВО	82
ГОГ И МАГОГ	83
ПРОРОК ИОНА	85
ИОВ	87
СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО	89
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ	90
ПРИТЧИ ЦАРЯ СОЛОМОНА	92

3. НОВОЗАВЕТНОЕ...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	95
ЕВАНГЕЛИСТЫ	100
ДАРЫ ВОЛХВОВ	101
ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ	103
ИОАНН ПРЕДТЕЧА	104
СВЯТАЯ ТРОИЦА	105
ИМЕЮЩИЙ УШИ	107
ГРЕХ	108
АПОСТОЛ ПЕТР	109
АПОСТОЛ ПАВЕЛ	110
ФОМА НЕВЕРНЫЙ	111
ПОНТИЙ ПИЛАТ	114
МАРИЯ МАГДАЛИНА	116
СИИ МАЛЫЕ	117
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ	118
ОВЦЫ И КОЗЛИЩА	119
НИКОЛАЙ УГОДНИК	120
ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА	121
ПОКАЯНИЕ	122
ИЗ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛОВ РАСПЯТОМУ СПАСИТЕЛЮ	124

4. ИЗ НОВЕЙШЕГО ЗАВЕТА...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	127
СЛОВО	131
СОН НЕРОНА	132
ИОАНН ЗЛАТОУСТ	136

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ	138
ПЕРУН	139
ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ	140
КИТЫ	142
НАУКА И РЕЛИГИЯ	144
МОНАСТЫРЬ	145
НЕЧИСТАЯ СИЛА	146
СВЯТОЙ ДОМИНИК	149
ПРАЗДНИК НА УЛИЦЕ ВАРФОЛОМЕЯ	151
ПАМЯТНИК МИГЕЛЮ СЕРВЕТУ	153
ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА	154
ДОКТОР ФАУСТ	156
ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ	158
КВАЗИМОДО	160
АНТИПАПА	161
ТРИ МОНАХА	166
СИМЕОН СТОЛПНИК	169
ОТРЕЧЕНИЕ ГАЛИЛЕЯ	171
ПРОСТАЯ СТАРУШКА	172
ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА	173
ЖАННА Д'АРК	174
ИЕЗУИТЫ	176
ТРЯСУНЫ	177
СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ	178

Кривин Феликс Давидович

БОЖЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИИ. М., Политиздат, 1966.
183 с. с илл.

Р2

Редактор

А. Белов

Художественный редактор

Г. Семиреченко

Технический редактор

Н. Трояновская

Сдано в набор 18 октября 1965 г. Подписано в печать 28 февраля 1966 г. Формат 70 × 108^{1/32}. Физ. печ. л. 5^{3/4}. Условн. печ. л. 8,05. Учетно-изд. л. 3,74. Тираж 100 тыс. экз. А 11532. Заказ № 3184. Бумага № 1. Цена 16 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 223.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Сматрицировано и отпечатано в типографии «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16. Заказ № 4039.

